PG3470
.R8
D3

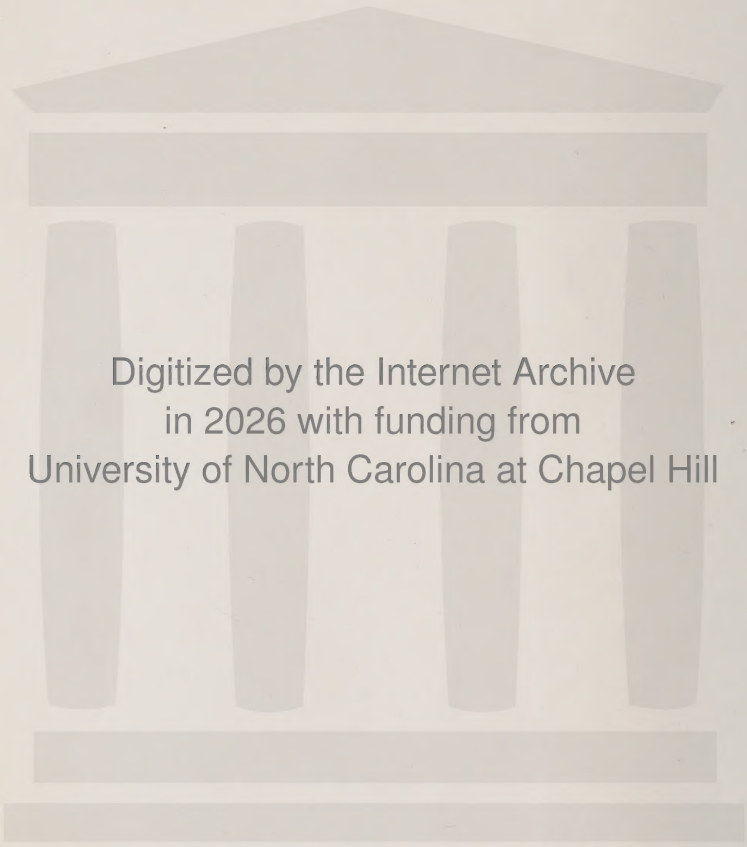
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3470
.R8
D3

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
Form No. 513			


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/dedushkavremiano00ruba

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

ДЕДУШКА ВРЕМЯ

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА, РАССКАЗАННАЯ КНИЖНЫМ ЧЕРВЯКОМ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТОВ Р., С., К. и К. ДЕПУТАТОВ. МОСКВА—1919.

R-3199

MC
C
PG3470
.R8
D3

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

*„ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!“*

RUBAKIN

Н. А. РУБАКИН.

DEDUSHKA VREMIA

ДЕДУШКА ВРЕМЯ.

Новогодняя сказка, рассказанная Книжным Червяком.

ИЗДАНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТОВ Р., С., К. и К. ДЕПУТАТОВ
МОСКВА—1918.

LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
CHAPEL HILL

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Маркс, Петроград, Измайл. пр., № 29.

I.

Дедушка Время — старый-престарый и ужасно неугомонный старик. Он старше рек и озер, старше гор и морей, старше неба и земли. Не блистали звезды, не горело золотое солнце, не носился в пучинах неба шар земной, — а дедушка Время существовал уже много-много лет, так что успел состариться. Никто из смертных даже не знает, был ли дедушка когда-либо молодым, а про себя самого старик говорить не любит.

Любопытные люди на разные лады спрашивают его:

— Дедушка, кто ты такой? Откройся нам.

А дедушка угрюмо и упорно молчит.

Люди собирают все способности своего ума и силою хотят выведать у дедушки, кто он такой. А дедушка даже и внимания не обращает на их усилия: он отлично знает, что людские силы ровно ничего не значат сравнительно с его силой. Тогда раздосадованные люди начинают философствовать и по-своему объяснять дедушку Время. Одни выдают его за зверя какого, другие— за какую-то особую «сущность», третьи утверждают, что на самом-то деле никакого дедушки Времени и не существует, а его сами люди, благодаря устройству своего мозга да своему невежеству, выдумали. Третьи... четвертые... десятые... — да что про них и говорить, — одним словом, каждый рассуждает на свой манер.

Слушает дедушка людские рассуждения, смотрит на толстые-претолстые ученые книжки, в которых изложены эти рассуждения, и так же угрюмо, так же упорно молчит. Он уже заранее знает, какая участь ожидает эти рассуждения.

А там, посмотришь, проходит сотня, а то и меньше лет, — и все ученые рассуждения уже рассыпались в пух и прах: ни в одной человеческой голове даже и места уже не находится этим рассуждениям, — совсем люди им верить перестали.

И всем становится тогда ясно, что ровно ничего не знают люди про дедушку Время.

Впрочем, нет. Знают люди про него только одно. За исключением слишком зафилософствовавшихся мудрецов, знают они, что все-таки дедушка Время не сказка какая, что он действительно существует, и не только существует, но и работает, да так работает, что никто с ним в работе и сравняться не может.

Дедушка Время — первый работник во всей вселенной. Он никогда не отдыхает; ни одной песчинки, ни одной соринки, ни одного атома, ни одной звезды не оставляет он в покое и все и всех двигает и тормошит на всевозможные лады и манеры. Дедушка — полный хозяин в своем жилище, а жи-

69

21119 49

лицем ему служит вся вселенная. И дедушка присутствует в каждом уголке ее: и между звездами, и между атомами, и между клеточками, — присутствует в душе человека, в сознании человечества...

Хотя обширно жилище у дедушки, — так обширно, что никто не знает, есть ли ему где конец, — но дедушка такой неугомонный старик, что даже такое жилище не удовлетворяет его. И он вечно копошится в своем жилье, вечно что-нибудь мастерит: то разрушает, то созидает, то строит, то перестраивает, — словом, работает и работает.

II.

Работу дедушки все видят, но не все ее понимают. Чтобы понимать его работу, нужно многое знать, а еще больше нужно думать. А так как думающих людей на земле очень немного, то работу дедушки мало кто ясно видит и вполне ценит.

Если же хорошенько раздумать да посмотреть, то на каждом шагу увидишь работу дедушки. Каждый камень, каждая песчинка говорит о ней, но иногда говорит так тихо, что лишь привычное ухо может слышать, и лишь привычный глаз — видеть. Порой, чтобы заметить работу дедушки, нужно вооружиться то телескопом, то микроскопом, то каким-либо иным хитрым прибором. Порой нужно на дно моря спуститься, на гору подняться, по воздуху на воздушном шаре пролететь, нужно иногда в темных пещерах побывать, в рудниках покопаться, — словом, проделать много-много разных и великих и малых дел.

Но иногда и этого мало. Дедушка Время любит работать не торопясь, медленно, и совершает великие дела порой не в год, не в два, а в сотни или тысячи лет. Тогда людям остается ждать и смотреть, что делает и что сделает дедушка Время. И они сидят да смотрят, наблюдают да изучают, всячески пробуют и испытывают, срисовывают и записывают, думают и соображают, и все стараются вникнуть глубже и глубже, — в самую глубину, самую суть. Сидит один человек, долго, весь век сидит, пока не умрет, а дедушка только начинает работать. Умершего человека сменяет другой, который снова сидит да смотрит; этого сменяет третий человек, а дедушка все еще начинает. Но людей много, человек сменяет человека; они, не переставая, смотрят да наблюдают, пробуют, записывают да срисовывают, да размышляют, и все помогают друг другу в этом многотрудном деле. Так потихоньку да понемногу и подмечают люди работу дедушки.

Но дедушка своенравен. Иногда он делает одно и то же дело не сотню, а тысячи, а то и миллионы лет. Однако люди и тут ухитряются. На что же у них и ум, как не для того, чтобы рассуждать? И они рассуждают. Они знают, что дедушка работает не случайно как, а обдуманно — ему хорошо известно, что и когда нужно сделать. Знают еще люди, что дедушка не любит менять свои обычаи, ухватки и способы своей работы: как теперь он работает, так работал и миллионы лет назад, так и впредь будет работать. А дедушкины ухватки подметить людям не так мудрено, — они в этом изощрились основательно, — они подмечают, да подмечают. В конце концов и выходит, что хотя иные дела дедушка Время делает миллионы лет, а люди подсмотрели и поняли и такую медленную его работу. Они все больше и больше изощряют свою наблюдательность; выдумывают все новые и новые способы и приборы; они все лучше и лучше научаются думать... Дедушка даже сам в этом отношении им способствует.

И с каждым днем становится людям все понятнее и яснее, какие дела делал когда-то дедушка, чем он занимался; все лучше и лучше видят люди, чем теперь занят дедушка, что он мастерит, над чем работает, что подготовляет...

Работа дедушки, таким образом, становится все более понятною, а кто такой сам дедушка, — людям так-таки и остается неизвестным.

III.

Где-то в старых книжках написано, что не всегда дедушка Время бывает столь угрюм и молчалив. Порою он нарушает свое молчание и, приняв вид какого-либо смертного, является людям.

И счастлив тот человек, кому явился дедушка Время! Для него дедушка сделает все, что бы тот ни пожелал. Он перенесет его на самые далекие звезды, поместит его между атомами, в один миг произведет такие события, которые обыкновенно совершаются в миллионы лет, покажет сразу всю вселенную, а не только тот небольшой ее уголок, который мы всегда видим перед своими глазами; откроет, как на ладони, душу не только отдельного человека, но всего человечества: заставит совершиться снова давно уже совершившиеся события; оживит давно умершие формы...

Одного не исполнит дедушка: не скажет, кто он такой. Лучше у него об этом и не спрашивать, — рассердится — и уйдет.

Не исполнит дедушка еще одного: он терпеть не может, когда люди у него просят денег или богатства, или других каких жизненных благ, потому что вовсе не в этом самая суть человеческой жизни. Дедушка знает, откуда взялись и откуда берутся все богатства, какие только существуют на земле. Ведь они наработаны, созданы трудом всего человечества, — зачем же старается забрать их в свои руки тот или другой отдельный человек? Дедушка не любит таких людей, которые заботятся только о своем благе, не обращая внимания на нужды других людей, и стремятся только к тому, чтобы весь свой век прожить лишь в свое удовольствие, заставляя разными способами на себя работать других людей. Ведь дедушка Время знает, что таким людям в конце концов все-таки придется исчезнуть с лица земли, — что не им принадлежит будущее...

Впрочем, к таким людям он и не явится...

Но за то любит дедушка других людей, которым принадлежит будущее... Дедушка знает, что есть на земле такие люди, которые всем своим существом стремятся понимать то, что происходит вокруг них; стремятся понимать жизнь природы, жизнь людей, жизнь народов, государств, человечества, — такие люди, которым прежде всего дорого не свое личное счастие, но общее счастие всех; есть на земле такие люди, которых больше всего тревожат и мучат не свои, а чужие страдания, и которые не могут только молча смотреть на эти страдания, и про себя возмущаться ими, а напротив, стараются облегчить их, — такие люди, которые не то что не боятся, а даже жаждут пожертвовать собой для счастья человечества... Дедушка знает, что не только есть такие люди, но их с каждым годом становится все больше и больше. Не беда, что их еще мало; не беда, что они теряются в массе людей, живущих для собственного блага... Дедушка знает, что таким людям принадлежит будущее.

А такие люди тоже знают, что дедушка за них, и глубоко верят в силы старика. Они заставляют свою мысль вечно работать, задумываются над

тем, что есть вокруг них: над ходом звезд и солнца, над жизнью растений и животных, над тем, как живется вокруг них бедным, загнанным людям, и почему им приходится терпеть невыносимые страдания и жить в унижении, в нищете и темноте, и каких перемен надо добиваться, чтобы жизнь всякого человека, хоть последнего из последних, стала лучше, — и разумнее, и светлее, и шире, и глубже, и возвышеннее, и полнее.

Такие люди задумываются не только над тем, что есть, но и над тем, что должно бы быть, — как устроить жизнь, что делать, как работать и с кем и чем бороться. И какие бы сомнения их ни мучили, какие бы вопросы ни возникали в их головах, они постоянно, в случае нужды, обращаются к дедушке Времени...

И дедушка Время никогда не отказывает им и разрешает их сомнения, дает им ответы.

IV.

Канун нового года — вот день, когда преимущественно является таким людям дедушка Время. Чаще всего в этот день принимает он человеческий облик и странствует по земле.

Дедушка Время недаром избирает этот день. Ведь приближение нового года невольно заставляет каждого человека вспомнить о дедушке и обратиться к нему...

Является дедушка как раз на границе двух лет, в тот момент, когда старый год сменяется новым.

Дедушка не больше как на мгновение открывается человеку, но в это мгновение старик так усиленно работает, что успевает совершить многие великие дела и дать ответы на заданные ему вопросы.

И многое-многое переживают в это мгновение те люди, к кому пришел дедушка.

Но произошла смена двух лет — и снова делается дедушка Время таким же угрюмым таким же молчаливым, как прежде...

V.

Давно когда-то и где-то жили брат и сестра. Они были очень богатые люди; всего у них было вдоволь. Жили они в роскошных мраморных палатах, одевались в дорогие одежды, ели вкусные и здоровые кушанья. Удовольствий у них было тоже вдоволь, а думать о том, как на все это раздобывать средства, — вовсе не приходилось: эти самые средства без всякого труда сыпались к ним в карман. Иные богатства пришли к ним по наследству, иные давали им их обширные земли, поместья, розданные в аренду тем, кто землю пашет своими руками, а иные богатства сыпались им в карманы с заводов и с фабрик, где на них работали те, кто едва-едва мог прокормиться там своим собственным трудом. Наконец, иные богатства лежали в банках и давали много-много купонов, а то и хороший банковый дивиденд. При таких богатствах и брат и сестра, как говорится, словно сыр в масле катались всю свою жизнь.

Брат, которого звали Оскаром, находил, что самое лучшее на свете — это жизнь ради собственного удовольствия. Есть, пить, спать, веселиться, проводя таким образом день за днем, год за годом, — таков был идеал этого человека, и так как идеал его нашел себе полное осуществление, то Оскар считал себя вполне удовлетворенным. Он жил, как ему жилось; голова его не

работала, а если и работала, то от такой работы никому не было ни тепло ни холодно. «Труд, — рассуждал Оскар, — удел маленьких людей», и на этих маленьких людей этот человек не только не обращал никакого внимания, но даже находил вполне естественным, что тем живется плохо. «Нельзя же, — говорил он, — всем быть богатыми». Но **почему** нельзя, почему можно быть богатым ему, ничего неделающему, а не другим, проводящим весь век в труде, — над этими вопросами Оскар не задумывался. О таких головоломных вопросах его ум не очень-то привык рассуждать, да и привычка, и интересы мешали ему даже и додуматься до таких естественных и простых вопросов.

И Оскар ел, пил, спал, веселился, сам ходил в гости, принимал гостей у себя. А все его знакомые были такие же, как и он сам. Жизнь его текла шумно и весело; чего бы он ни желал, все ему уже приготовляли другие, а сам он только расплачивался.

Не такова была его сестра Мери.

«Неужели человек для того только и создан, чтобы есть, пить, спать, веселиться и класть себе в карман то, что наработано не его собственным трудом? — думала она. — Неужели в мире нет ничего более приятного и возвышенного, чем такая жизнь?»

И такая жизнь не удовлетворяла ее, и среди всего окружающего довольства она не чувствовала себя счастливой.

— Глупенькая, чего тебе еще недостает? — говорил ей брат, когда она обращалась к нему. — Живи себе в свое удовольствие, — ведь немногие живут так хорошо, как мы.

А сестре, между тем, было противно слышать такие слова. Ее именно это и возмущало, что л и ш ь н е м н о г и е в счастии живут...

— А отчего все, все без исключения так не могут жить, как мы живем? Отчего рядом с богатыми существуют такие бедняки, которые чуть не умирают с голоду? Неужели же это Бог хотел, чтобы не все люди благами жизни пользовались одинаково? Почему самые светлые и высокие и основные блага жизни доступны лишь некоторым, а от других они крепко отгорожены, словно каменною стеной? Нет, в том виноваты сами люди. Они не сумели осуществить свое счастье на земле, не сумели так устроиться, чтобы всем было хорошо.

И вопрос за вопросом возникал в голове Мери, и чем больше она думала над ними, тем сильнее становилось в ней желание способствовать осуществлению общего счастия на земле. «От чего зависит жизнь людей на земле? — думала она. — Что управляет их жизнью? Кто сможет осуществить на земле царство правды?»

Окружающим было не понятно и чуждо то, что происходило в душе девушки. Головы подруг ее не знали другой работы, кроме рассуждений о том, кто как одет, да кто что сказал, да как нарядить свое тело, чтобы оно другим понравилось. Мери даже не пыталась обращаться к своим подругам. А те вместе с братом смеялись над нею и говорили:

— Вот человек! — Сама себе страдания выдумывает.

А вопрос, «как сделать всех людей безбедными и счастливыми?» так и оставался для Мери нерешенным. Она должна была удовлетворяться лишь тем, что кой-когда помогала тому или другому бедняку, — облегчала страдания того или другого несчастного. Но она отлично понимала, что не сделает ее доброта и милосердие счастливыми и безбедными всех людей.

За разрешением своих нерешенных и мучительных вопросов часто Мери обращалась к книгам. «Ведь книги не люди, — думала она — смеяться надо

мной разве они станут? А если уж они мне что разъяснят и скажут, так разумеется скажут прямо, честно, правдиво, искренно и серьезно. Их ведь писали не такие люди, каких я вижу вокруг себя»...

И Мери читала... Читала о звездах, об атомах, о силах природы, о растениях и животных, о том, что есть на земле и под землею, в воде и под водою; читала о душе животных, о разных странах, населенных разными племенами, читала о нравах и обычаях, о войнах и переселениях, читала, как возникали и падали государства, когда лучше, когда хуже человеку жилось на земле... Каждая книжка что-нибудь открывала, что-нибудь уясняла ей из окружающего.

Она все яснее и живее понимала, что тогда только станут ясны причины человеческих страданий, когда станет ясной жизнь всего окружающего мира: жизнь звезд и планет, растений и животных, человека разных стран и времен, сословий и классов.

А подруги и брат смеялись над нею и говорили:

— И как она может находить удовольствие в такой скучной мертвечине?

Им и в голову не приходило, что «мертвечина» больше чем кто-либо может уяснить человеку жизнь вселенной, жизнь людей.

VI.

К такой-то девушке и явился накануне Нового года дедушка Время. Он принял вид красивого седого старика и вошел в дом, как знатный проезжий иностранец, которому нужен теплый и спокойный уголок и сытный ужин. И радушные хозяева снабдили его всем необходимым и пригласили в общую залу встречать Новый год.

А в зале шли суетливые приготовления к встрече.

Ярко горели свечи и люстры; блестели золотые рамы прекрасных картин, громко играла музыка, бегали, суетились слуги; весело толпились многочисленные гости.

У всех у них вертелась в голове мысль: «Слава Богу, прошел еще год!» Но никто не понимал, чему собственно они радуются. Весь год у них состоял в том, что они провожали день за днем; весь день они провожали час за часом, ели и пили, плясали и болтали, ни о чем не думая и видя одно и то же впереди и позади себя.

— Слава Богу, что старый год прошел!..

Между тем гремел оркестр, изображавший события прошлого года, суетились слуги, разнося бокалы.

Часто глаза того или другого гостя обращались к громадным бронзовым часам, чтобы посмотреть, скоро ли пройдет старый год.

А стрелка ползла медленно-медленно.

Совсем с иными чувствами провожала старый год Мери. Он не казался ей таким пустым и ничтожным: она не провела этот год в ничегонеделании; в ее головке постоянно возникали те или другие вопросы. Она вспомнила, как в прошлом году она среди тех же людей, в той же комнате встречала новый год. Но многое из того, что ей стало понятно теперь, триста шестьдесят пять дней тому назад было еще совсем непонятным; иное она понимала тогда очень смутно, а многое из того, что совершается вокруг нее, она совершенно упускала из виду... Да, прошлый год не мелькнул бесследно над нею. Она знала, что и будущий год что нибудь даст ей; она смутно чувство-

вала, что вырабатывает из себя такого человека, какие нужны для осуществления на земле общего счастья.

А стрелка все ползла и ползла. Вот музыка заиграла приветственный гимн новому году. Слуги начали разливать шипящее и искрящееся вино. Гости собрались вокруг хозяев. Оскар, взяв от слуги бокал, намеревался поднести его старому иностранцу.

А взгляд старика между тем был устремлен на девушку. Посмотрела Мери на него — и не могла отвести глаз от этого спокойно-величавого, умного лица. Лицо это словно говорило ей: «Я так много думал над тем, что вижу вокруг себя; так много наблюдал окружающее, что ни одно явление не остается мне непонятным, ни одно явление не остается мною неоцененным... Все понимаю я, что вижу вокруг; я знаю, как осуществится царство правды на земле».

И вот стрелка часов доползла до двенадцати. Издали донесся звон курантов собора...

И с бокалом в руке Оскар считал удары часов.

— Раз... два... три... четыре... пять... шесть...

С третьим ударом вдруг преобразилось лицо иностранца. Он приблизился к Мери и взял ее за руку.

Раздался шестой удар — и старик и девушка исчезли.

VII.

— Дедушка, я узнала тебя, — говорила Мери. — Дедушка, куда ты меня ведешь?

— Молчи, молчи, все увидишь, — отвечал тот.

И в ту же минуту Мери увидела, что все гости и ее брат выросли до громадных размеров. Комната стала походить на громадную площадь; столы и стулья превратились в какие-то гигантские арки и башни.

Посмотрела девушка на старика — и поняла, в чем дело. Комната и гости оставались такими же, как и были, но их собственный рост все уменьшался и уменьшался. Дедушка Время и Мери стали меньше булавочной головки, меньше песчинки, меньше соринки. Паркет из гладкого и блестящего сделался ухабистым, неровным. Щели между его квадратами превратились в темные, зияющие ущелья.

Старик повел Мери в одно из таких ущелий.

Стены ущелья состояли из каких-то нишей, то небольших, то длинных и глубоких. Мери поняла, что эти ниши были не что иное, как клеточки, из которых состоят все растения, а значит, и доски пола.

Дедушка повел ее в одну из этих клеточек. И по мере того, как они шли дальше, клеточка все более и более выростала и превращалась в обширную залу.

От старика начало исходить голубоватое сияние, позволявшее видеть все вокруг. И чрез прозрачные стены клеточки девушка видела, что справа и слева, наверху и внизу расположены такие же обширные залы, как и та, в которой они находились. А над ними двигались какие-то громады, покрывавшие целые тысячи зал разом.

Мери поняла, что эти громады — люди.

Старик, между тем, из одной клеточки вел ее в другую, из другой в третью. И Мери видела, что рост дедушки и ее собственный все уменьшается и уменьшается.

— Мери, — говорил старик, — вот ты теперь вступаешь в такой мир, какого не видал, кроме тебя, еще ни один человек; ты увидишь, ты собственными глазами увидишь то, до чего другие люди только дошли долгим путем строгих вычислений и глубочайших размышлений. Ты увидишь тот материал, из которого устроена вся вселенная... Ты увидишь и то, как она устроена. Тебе представляется случай воочию проверить, хорошо ли человек уяснил себе этот невидимый мир... Мы приближаемся к одной из многих тайн мироздания.

И девушка видела при нежном голубом свете, исходившем от старика, что стены той клеточки, в которой они находились, вдруг сделались зернистыми. Словно масса зерен была навалена одно около другого. Мери пристально смотрела на стену и не могла еще понять, что происходит вокруг нее. А зерна все выростали и выростали на ее глазах, точно так же, как и промежутки между этими зернами.

— Дедушка,—спрашивала она,—неужели мы становимся еще меньше?

— Да, — отвечал старик, — это необходимо, иначе мы не узнаем многих тайн мира...

И вот рост путешественников, наконец, сделался таким маленьким, что зерна стали казаться им глыбами; одну глыбу от другой отделяли большие промежутки, которые то увеличивались, то уменьшались, потому что глыбы двигались взад и вперед, и словно сотрясались и дрожали.

— Дедушка, что это за глыбы? — спрашивала Мери.

— Эти глыбы, — отвечал старик, — не что иное как частицы разных веществ, из которых состоит все существующее.

И девушка видела, что вся, еще недавно сплошная стена вдруг распалась на миллионы миллионов таких частиц, которые казались ей очень большими, потому что сама она, как и дедушка Время, уже сделались очень маленькими. И причина того, почему люди не видят этих частиц, а видят сплошную стену, стала для Мери теперь совершенно понятной.

Между тем старик, взяв руку девушки, уже вступил в темные промежутки, остававшиеся между частицами. Он чрезвычайно быстро переходил с частицы на частицу; порой приходилось делать скачки, которые старик выполнял весьма ловко и переносил с собой Мери.

Девушка с трудом освоилась со своим положением. Вокруг нее повсюду находились одни только частицы — глыбы. Эти глыбы окружали ее со всех сторон. Справа и слева, сверху и снизу, спереди и сзади — везде были эти частицы. Мери уже не видела хорошо знакомых предметов. Но она знала, что эти предметы очень близко от нее, и что потому-то самому она и перестала видеть их. Словом, оставаясь на одном и том же месте, она сразу была перенесена в какой-то чуждый, неведомый, особый мир, где не было никаких предметов, а были одни частицы-глыбы, разного состава и разной величины.

А дедушка все вел ее с частицы на частицу.

Между тем, по мере того, как Мери освоивалась со своим новым положением, новые и новые явления представлялись ее глазам. Глыбы, окружавшие ее со всех сторон, колебались и дрожали все сильнее и сильнее. Каждая глыба то поднималась вверх, то падала вниз, то отскакивала в одну, то неслась в другую сторону, — словом, двигалась, прыгала, колебалась, дрожала, насколько позволяло ей окружающее пространство. Ни одна глыба не была чужда такому дрожанию. Промежутки между ними постоянно менялись, то суживаясь, то расширяясь.

Вокруг Мери шло кипящее движение.

— Дедушка, — обратилась она к старику, — что это происходит вокруг нас? Какое явление совершается перед моими глазами? Я вижу — частицы, из которых составлен неподвижный предмет, движутся!

— Да, — отвечал старик, — все частицы всех веществ одарены постоянным движением. И каким еще движением!

— Но почему же такое замечательное явление было мне неизвестно до сих пор? Неужели обыкновенные люди ничего не знают об этом явлении?

Старик улыбнулся.

— Это движение частиц тебе знакомо уже давно, — сказал он. — До этих пор, правда, ты его не видела, но зато ведь ты его чувствовала, — чувствовала как теплоту.

И девушка поняла, что перед нею происходит то же явление, которое она знала и раньше, только оно теперь кажется ей совершенно иным, потому что великая перемена произошла с нею самой.

— Видишь, в какой громадной степени явление зависит от того, кто и как его наблюдает, — говорил ей между тем старик. — С этого момента ты, Мери, будешь на каждом шагу убеждаться, что мир далеко не таков, каким он кажется людям.

А вокруг между тем всюду шло оживленное движение. Старик чрезвычайно быстро переходил с частички на частичку и вел за собою Мери. Вскоре девушка заметила, что вид окружающих ее частиц изменился: и частицы, и промежутки между ними стали гораздо меньше.

— Мы вошли в холодную стену каменного дома, — пояснил дедушка.

И по мере того, как они подвигались вперед, Мери замечала, что движение частиц становилось понемногу не так оживленно

Она спросила о причине этого явления у старика.

— Мы идем от внутренней части стены кнаружи, — отвечал тот. — Ты видишь пред собою лишь замедление колебаний частиц; люди же говорят, что наружная часть стены охлаждена, а внутренняя нагрета.

А старик, между тем, шел все вперед и вперед.

— Идем, — говорил он Мери. — Нам остается осмотреть очень многое.

Но Мери привыкла обдумывать каждое явление, которое она замечала. Каждое новое явление давало ей материал для мышления, возбуждало в ее голове целый рой мыслей. И поглощенная своими думами, она машинально следовала за стариком.

Вдруг сильный толчек заставил ее очнуться. Осмотревшись вокруг, она заметила, что вид частиц снова изменился. Частицы того вещества, в котором она находилась, двигались очень быстро; одна частица ударялась о другую, заставляла ту двигаться быстрее, сама же двигалась медленнее; но тотчас же ее толкали окружающие частицы, с которыми совершалось то же самое.

Девушка в страхе прижалась к старику.

— Дедушка, что это такое? — спросила она.

— Это — железо проводит теплоту. Мы находимся в железной балке, на которой укреплен свод окна. Ты видишь, как движение идет от частички к частичке, из комнаты на воздух. Частички стены делают то же самое, только не в такой степени, потому что железо — очень хороший проводник тепла...

— Дедушка, я боюсь, что эти частицы раздавят нас, — шептала Мери.

— Не бойся, — говорил старик, — а лучше подумай над тем, что ты видишь вокруг себя. Ведь каждая частица движется в ту или другую сторону вовсе не случайно, а потому, что не может двигаться иначе. И потому я заранее знаю, где и когда находится какая частица...

И в подтверждение своих слов дедушка уверенно пошел вперед и повел за собою Мери. Девушка видела, что ни одна частица не касается их, что всегда перед ними лежит просторная дорога...

И старик снова повел Мери вперед, и снова мимо них мелькали колеблющиеся частички. И Мери видела, что построены эти частички из весьма различного материала. На ее же глазах иные частицы-глыбы чрезвычайно быстро изменяли свою форму и свой вид. То они делались вдруг больше, то слабо сжимались, то две частицы сливались в одну, то из одной делалось их две. Мери видела, что изменяется и самый материал, из которого они состоят.

— Дедушка, что это такое делается вокруг нас?—спросила она старика.

— Частицы изменяют свой состав, — отвечал тот. — Изменяется вещество, которое окружает нас. Смотри, вот частичка воды распадается на свои еще более мелкие части — атомы, — на водород и кислород. Вот кислород соединяется с железом, т.-е. атомы кислорода крепко сливаются с атомами железа... Смотри, как от этого изменяется их вид и как изменяется состав частиц. Новая частичка, из них составленная, совсем уж не похожа на те, из которых она произошла... Ты знаешь теперь, — вся вселенная составлена из частиц, а эти частицы из атомов. Смотри же, смотри внимательней! Самая суть устройства вселенной перед тобою...

— Дедушка, где же мы теперь находимся, что вокруг нас происходит столько перемен?

— Мы находимся в куске железа, которое ржавеет от воды...

А дедушка все шел и указывал:

— Вот водород, вот железо, вот кислород, вот медь, уголь...

И вдруг среди ржавчины и кирпича Мери увидала глыбу золота.

— Как могло попасть сюда золото? — спросила Мери.

— Очень просто, — отвечал старик, — эта частичка когда-то принадлежала золотой цепочке управляющего на кирпичном заводе. Она оторвалась от цепочки и попала в песок; ее захватили с песком и смешали с глиной, из которой сделан кирпич. Ты видишь, — сколько ни странствовала эта частичка, но все же осталась неизменной, — не пропала, не уничтожилась. Странствовала она таким образом с незапамятных времен, да и будет так странствовать вечно. И все-таки никогда не уничтожится...

А в голове девушки между тем возникала картина за картиной; воображение рисовало ей, какое путешествие совершили все те частички и атомы, которые ее окружают, где они были когда-то, где они будут через миллионы лет.

— Подожди, — говорил между тем дедушка Время, — наше путешествие еще только начинается. Вселенную понять ведь не так просто. Но ты все же поймешь ее, — наблюдай только хорошенько, что я тебе буду показывать, да размышляй и размышляй... Вот ты и теперь кой-чего не замечаешь.

Девушка осмотрелась вокруг себя и увидела, что в промежутках между частицами и атомами двигались, точно летая, какие-то словно дробинки; они летали так быстро, что их никак нельзя было рассмотреть. Они носились целыми потоками или волнами. Они наталкивались одна на другую, отскакивали назад, двигались, суетились с такой быстротой, что их даже трудно было заметить, не то что рассмотреть.

— Видишь эти дробинки? — продолжал между тем старик. — Это не что иное как атомы эфира, которые гораздо мельче всяких других атомов, мельче тех, из которых составлены разные вещества... Атомами эфира находятся и движутся между частицами и атомы всех других веществ. Посмотри,

как быстро их движение. Как оно идет волнами! Посмотри, как передается это движение от атома к атому... Знаешь ли ты, как называют люди это движение? Они называют его то электричеством, то светом, то иначе как...

И девушка видела, как множество атомов эфира, ударяясь о какую-нибудь частичку, заставляли колебаться и ее; на глазах Мери частички передавали свое движение этим атомам и обратно...

— Ты видишь замечательное явление, — продолжал старик, — ты видишь, как одного рода движение переходит в движение другого рода. Знаешь, как люди называют этот переход? Превращением сил природы одной в другую... Посмотри: в этой холодной стене, у которой ты недавно стояла, встречая новый год, оказалась теплота, оказалось электричество; в нее, хоть очень немного, проникает и свет горящих ламп и свечей, и сияние луны... И смотри, — в этой стене, и везде, и всегда, эти «силы природы», т.-е. движение, переходят одна в другую.

— Да, дедушка, — с жаром отвечала Мери, — я теперь понимаю, что всюду в мире жизнь, всюду движение... Когда я снова сделаюсь обыкновенным человеком, я уже не буду смотреть на вселенную так, как смотрела до сих пор... Моя мысль будет проникать в самые глубины ее, будет видеть невидимое, чувствовать незаметное... Я теперь понимаю, как велики те люди, которые додумались до того, что вся вселенная составлена из движущихся частиц, хотя они и никогда не видели их. Дедушка, только теперь, смотря на эти частицы, я поняла, как силен человеческий разум, который научился видеть невидимое...

А старик слушал горячую речь девушки и, улыбаясь, шел вперед и вперед..

Но вот появились вокруг новые частички иного вида и иного состава, и промежутки между ними были здесь гораздо больше

— Мы вышли на воздух, — сказал старик.

VIII.

Они стояли на колеблющейся частичке стены. К ней постоянно подлетали частички воздуха, ударялись о нее и отскакивали назад. Отскочив, частичка воздуха сталкивалась с другой такой же частичкой, снова отскакивала, изменяя направление, неслась в другую сторону и, таким образом, в своем движении описывала весьма причудливые зигзаги и ломаные линии... Частички воздуха, которые преимущественно были двоякого рода («кислород и азот», подумала Мери), уже не колебались, не дрожали на одном и том же месте, а постоянно переносились с одного места на другое, сталкиваясь и меняя свои пути. «Вот как устроен воздух!»—думала Мери, смотря, как снуют вокруг нее частички воздуха, — газа. Между ними, как и между частицами стены, колебались-дрожали атомы эфира...

А дедушка Время ловко вскочил на одну из частичек воздуха, подлетевшую к той, на которой они находились, и перенес туда и Мери. Частица чрезвычайно быстро удалилась от стены. Ежемиутно на такой удивительный экипаж налетали другие частички, заставляя его менять направление, и экипаж двигался по весьма ломаной линии.

«Неужели мы будем двигаться так медленно?» — подумала девушка, и, как бы угадав ее мысль, старик с замечательной ловкостью снова стал перепрыгивать с одной частицы воздуха на другую.

— Вперед, — говорил он, — вперед! Нам остается осмотреть еще очень многое.

И мимо них частицы замелькали с замечательной быстротой. Опираясь на руку старика, Мери не чувствовала усталости; путешественники неслись все вперед и вперед...

Долго носились они таким образом, и везде им была открытая дорога. Их не останавливали ни каменные стены, ни широкие реки и моря. Встречался они камень, — и неслись между частичками камня; встречались горы, снега и льды, — и они неслись между их частичками. Они проходили чрез тела животных, проходили через растения, и везде Мери встречала одно и то же. Она не видела никаких предметов, она видела лишь одни частицы, составленные из атомов разных веществ; атомы же эти были составлены из зернышек еще более мелких; а между частицами и их атомами носились, дрожали, двигались атомы эфира. И нигде не было ничего кроме движущихся частиц так устроенных, и атомов эфира. Вся вселенная словно распалась на бесконечное множество их. Все живые тела, все предметы оказались составленными из частиц, которые были построены различно и из разного материала, и все эти частицы двигались по всевозможным направлениям и разным способом, а между частицами всегда двигались, копошились атомы эфира. Проходили путешественники и чрез тело человека, и здесь встречали такие же частицы и то же движение частиц.

— Дедушка, — спрашивала Мери у старика, — дедушка, что это за сутолока такая происходит вокруг меня? Я не вижу в ней ни цели, ни смысла. Частицы двигаются, колеблются, копошатся, изменяют свой состав и вид на всевозможный манер, но к чему ведет это движение, эти незаметные перемены, эта невидимая работа?

— Молчи, — говорил в ответ старик, — молчи, не говори так!.. Мы ведь еще только начинаем путешествие. Ты увидишь вселенную, ты узнаешь, как живет то, что многие считают мертвым веществом, ты в конце концов поймешь эту сутолоку и найдешь в ней величайший смысл, и уразумеешь, к каким результатам она ведет...

— Нет, — продолжала Мери, — я не вижу в этом движении смысла, не вижу!..

— Я тебе говорю, ты увидишь его; до сих пор ты видела лишь материал, из которого построена вселенная. Я тебе покажу, как именно она строится из этого материала. Я тебе покажу, как я работаю над этим материалом, и что выходит из моей работы!..

И старик снова несся вперед и вперед.

Но вот промежутки между частицами стали гораздо больше: частицы встречались все реже и реже, их движения были все медленнее и медленнее.

— Дедушка, куда ты меня несешь? — спрашивала Мери старика.

А дедушка, вместо ответа, показал ей рукою вниз. Там, внизу, могучей громадой, освещаемой голубым сиянием луны, вертелся земной шар... Земля была так далеко, что Мери уже не могла различить в отдельности каждую ее частицу... Бесконечно большое число бесконечно маленьких частиц представлялось ей теперь прекрасной планетой, которая все более и более тонула в пространстве.

А вверху и внизу, и во все стороны убегало из глаз это бесконечное пространство, таинственное, молчаливое, холодное, прозрачное, как пустота, и непроницаемое, как бесконечность... Мери в страхе прижалась к старику и с чувством благоговения смотрела на окружавшую ее вселенную...

А дедушка Время все несся вперед и вперед. Мимо него мелькали частички различных веществ; Мери едва могла узнавать те вещества, которые

их составляли; она замечала и здесь частицы водорода, железа, кислорода, серы, воды, углекислоты и многих других веществ, с которыми познакомилась еще на земле... Но уже очень редко попадались эти частички, их почти не было. Только атомы эфира двигались, — колебались в бесконечном пространстве и передавали друг другу свое движение...

Порой путешественники обгоняли громадные каменные или железные глыбы, несшиеся в пространстве неизвестно откуда, неизвестно куда. Порой дедушка Время направлял свой полет к той или другой звезде, блестевшей во мраке... Порою он догонял какую-либо планету или комету, то есть целую тучу, целый рой таких каменных, крупных и мелких глыб. И видела Мери, что и звезды, и планеты, и кометы, и каменные или железные глыбы, отдельно носящиеся в небе меж планет и комет, составлены тоже из частиц и атомов. И видела Мери, что и в пучинах неба нет ни одной частицы неподвижной, и вся вселенная составлена из одного и того же материала...

Мимо девушки мелькали красные, зеленые, желтые, голубые звезды.

Старик иногда опускался на эти звезды, достигал их поверхности, погружался в их глубину. И видела Мери, что все частички, составляющие эти блестящие звезды, колеблются чрезвычайно быстро, с силой ударяют и одна о другую и об атомы эфира, и приводят их в движение. И идет это движение от атома к атому и распространяется по всей вселенной...

— Посмотри, как колеблются атомы эфира, — говорил старик. — Эти колебания, идя от атома к атому, достигают глаза человека. И видит человек, что далеко от него, — и свет, и тепло, потому что там сияет прекрасная звезда.

И снова неслись они вперед и вперед. Миллионы звезд и других обитателей неба мелькали мимо них; вокруг звезд носились планеты; вокруг планет вращались их спутники. Кометы там и сям перелетали от одной звезды к другой... А между ними носились и огромные каменные глыбы и мельчайшие частицы всевозможных веществ, и колебались атомы эфира... Дедушка Время то опускался и опускался все ниже и ниже, все глубже и глубже, и Мери невольно думала, что не будет и конца этому падению; то он начинал подыматься выше и выше, и вверху, как и внизу, их встречала та же бесконечность.

А в голове Мери все яснее и яснее возникала картина той жизни, которая кипит в небе. Она все глубже и глубже понимала стройные движения светил, которые носятся из конца в конец вселенной; она видела, как строго и точно определены их пути, и громадные звезды, как и атомы эфира, теряются и походят на мельчайшие частички среди необъятности вселенной...

А дедушка Время не оставлял без внимания ни одной частицы, попадавшейся ему на пути. Иногда он говорил Мери:

— Смотри, эта частичка сейчас будет двигаться в иную сторону.

И Мери видела, что в тот же момент эта частичка сталкивалась с какою-нибудь другою частичкой и, вследствие толчка, меняла направление и неслась в другую сторону.

— Дедушка, как ты можешь заниматься такими мелочами? — говорила Мери, обращаясь к старику. — Вокруг тебя целые миры, а ты занимаешься какими-то частичками!..

Старик только улыбался.

— Я не знаю мелочей, — говорил он, — я не знаю и великих дел; из многих мелочей слагаются великие дела, из многих частичек слагаются обширные миры... С помощью одних частиц я действую на другие и заставляю

их расположиться так, как мне нужно. Я ставлю частицы в такие условия, что не могут они расположиться иначе, как располагаются...

И поняла Мери, что открыл ей дедушка способ своей работы. И поняла она, что работает дедушка не своими руками, а заставляет одни частицы действовать на другие... И в каждой частичке, которая ей попадалась навстречу, ей невольно представлялся маленький исполнитель всех желаний старого дедушки Времени...

А между тем старик продолжал:

— Так я слагаю частицы в громадные миры. И заведен у меня в жилище такой порядок, что сами частицы, толкая друг друга, непременно расположатся в звезды и планеты, камни и кометы, или же из них выйдет растение, животное, человек.

И снова несся вперед дедушка Время. И видела Мери, что, толкая частичку частичкой, он успел уже накопить различные вещества во многих местах вселенной. Из них уже составились там громадные запасы, словно огромные облака, необъятные туманности, со всех сторон окруженные пустым пространством. Вот, далеко от всяких звезд и планет, много накопилось разных частиц. Дедушка Время пригнал их сюда со всех концов вселенной. Пригнал он сюда частицы и железа, и водорода, и серы, и меди, и кислорода, и разного другого материала. И на глазах Мери все более и более увеличивалось число разных частиц; все больше и больше сближались они меж собою и теснили одна другую. В одном месте они так сблизились уже, что образовали плотное ядро. Они не могли даже передвигаться, а только колебались.

— Дедушка, — спрашивала Мери старика, — что это такое?

— Это — рождающееся солнце, это — новый мир, который я строю в глубинах неба. Я пригоню сюда бесконечные полчища частиц, я заставлю их сплотиться, сблизиться, соединиться. И частички к частичкам приблизятся сами собой, неустанно побуждая к этому друг друга. И из них сложится новый огромный шар, и все его частицы, не теряя своего прежнего движения, будут двигаться и дрожать, каждая там, где ей и нужно быть. И весь шар будет полон такого внутреннего движения, которое людям кажется теплотой, и от этого станет гореть и блестеть, и люди назовут этот шар новой раскаленной звездою. И шар этот будет делаться все плотнее и плотнее, потому что частицы его будут постоянно передвигаться к его центру, описывая круги, и оттого он завертится сам собою, и сам собой сплющится, и от такого его круговращения станут отделяться от него кольца в тех местах, которые двигаются с наибольшей быстротой, и эти кольца будут мало по малу разрываться, и из каждого разорвавшегося такого кольца выйдет мало по малу новый маленький шар, новая планета, которая тоже завертится и понесется вперед и вперед вокруг того огромного шара, который дал ей начало; и будет вокруг него носиться, подобно тому, как вокруг солнца носится теперь земля. И пройдут миллионы миллионов лет, и долго будет блестеть появившаяся таким способом новая роскошная звезда, а вокруг нее будет носиться множество планет, ею же порожденных, а вокруг них, — их спутники, ихь луны...

И дедушка Время снова несся вперед, и видела Мери, что во многих-многих местах вселенной он работает, приготовляя новые миры именно таким способом...

Но вот из черной пучины неба появился какой-то громадный темный шар, превосходивший во много раз золотое солнце. Страшным холодом, страшным молчанием веяло от него. Ни тепла, ни света, ни жизни не было

видно на его поверхности. Он мрачной громадой несся куда-то в еще более мрачное пространство и походил на гигантский труп, который ищет погребения в пучинах вселенной.

Мери в страхе прижалась к старику.

— Дедушка, — шептала она, — что это за шар движется мимо нас?

— Это — потухшая звезда, умершее солнце, разрушающийся мир, — отвечал тот. — Когда-то и он понемногу сложился из частичек, собранных со всех концов вселенной. Когда-то и он блистал в небе приветливою звездою, но его частички передали почти все свое движение атомам эфира, а те разнесли это движение по всей вселенной. И тихо стали колебаться частички этой звезды и не в силах уже были колебать эфира; и не стало в ней ни тепла, ни света.

А черный шар все более и более уходил в пучину мира.

— Но пройдут миллионы лет, — продолжал дедушка, — и распадется этот шар на мелкие обломки, и разлетятся эти обломки во все концы; некоторые из них упадут на другие звезды, а некоторые распадутся на частицы, и я разгоню эти частицы по всей вселенной. Долго эти частицы будут носиться между мирами, многие из них попадут на планеты, войдут в состав земной коры, в тела животных или растений. Но я снова соберу в одном месте эти остатки сотен разрушившихся миров и из этих остатков построю новые миры...

Мери ничего не могла сказать от волнения. Перед ее глазами возникала величественная картина вселенной. Воображение рисовало ей яркими красками эту смену жизни и смерти, смену созидания и разрушения...

— Дедушка, — прошептала она, — дедушка, я теперь начинаю понимать твою работу. Я начинаю видеть глубокий смысл, громадное значение той сутолоки, которую я вижу вокруг себя.

. . . . . .

А дедушка Время несся вперед и вперед и пел:

— Я работаю, я работаю, я работаю! Медленна, но прочна моя работа. Я сдвигаю и раздвигаю частицы, я собираю их в миры, я разрушаю миры и их прах разгоняю по всей вселенной. Я оживляю пучины неба вечным движением, я заставляю волны света и тепла переливаться из конца в конец вселенной, я зажигаю звезды и показываю им дорогу в пучинах мироздания... Я работаю, я работаю!..

Громко раздавалась эта песня в небесном пространстве. Бесконечное могущество слышалось в голосе старика. И блестящие звезды, прекрасные планеты, мельчайшие частицы и атомы отражали звуки песни. И казалось Мери, что не дедушка Время, а вся вселенная поет эту песню.

IX.

Вот далеко-далеко, в темной глубине неба, что-то загорелось, словно искорка. Прошло мгновение—и искорка превратилась в громадный огненный шар, закрывший собою почти весь горизонт. Посмотрела девушка на этот шар—и не могла заглушить в себе чувства ужаса.

Вся поверхность шара представляла собою огненное море. Тяжелые волны кипящей лавы пробегали по этому морю. Там и сям на его поверхности виднелись какие-то темные массы, которые носились по огненным волнам, подобно тому, как носятся льдины по Ледовитому океану. Эти массы были не что иное, как застывшая лава.

Тяжелые пары носились над поверхностью огненного океана.

Дедушка Время приблизился к шару и вступил в верхние слои тяжелого раскаленного тумана, окружавшего этот мир.

— Дедушка, — спросила Мери у старика, — что это за огненный шар находится перед нами?

— Это молодая планета, — отвечал старик. — А вот и солнце, вокруг которого носится эта планета.

И он указал на звезду, блестевшую в отдалении.

— Смотри, — продолжал старик, — смотри внимательнее. Я быстро произведу пред тобой такие перемены, которые совершаются во многие миллионы лет.

И вот, на глазах девушки, все выростали и выростали темные острова плававшие по блестящему огненному морю. Они сталкивались один с другим и склеивались застывшей массой. И огненное море все более и более покрывалось ими, как темной корой.

А под корою клокотала огненная масса, — все то же огненное море лавы, словно силясь вырваться наружу. И порой это удавалось ему; но, разливаясь по поверхности, лава застывала и твердела...

И на глазах Мери огненный шар покрылся темной и горячей корой.

— Посмотри, что происходит вокруг тебя, — сказал дедушка Время.

А вокруг Мери происходило замечательное явление. Окружавшие ее частички водорода и кислорода то и дело сталкивались между собою. И Мери замечала, что около нее постоянно изменяется состав частиц; она видела, как уменьшается число частиц, состоящих только из одного водорода или только одного кислорода, и все более и более становится частиц, составленных из обоих этих веществ — водорода и кислорода, соединившихся меж собою.

— Видишь, — продолжал старик, указывая ей на это явление, — вокруг тебя сама собой образуется вода, которой до этих пор на этом огненном шаре вовсе не было. Из очень далеких мест вселенной собрал я сюда водород и кислород, которые теперь и соединяются меж собою и дают воду.

Явление происходило чрезвычайно быстро, и Мери видела, как носятся вокруг нее частички водяного пара, то есть той же воды. Вот они собираются одна к другой, сгущаются, уплотняются в облака, и из водяного пара делаются настоящие водяные капельки, и эти капельки падают из облаков вниз в виде горячего проливного дождя. Но едва только они прикасаются к раскаленной поверхности еще горячего шара, как снова превращаются в пар, а некоторые даже распадаются снова на водород и кислород которые, нагревшись, поднимаются опять кверху... И много раз происходит это явление.

Вот старик спустился к поверхности планеты и вошел в ее кору. Мери увидела, что частицы, составлявшие эту кору, колебались чрезвычайно быстро. Но их движение все больше и больше замедлялось, лишь только на поверхность коры падал, хотя и горячий, дождь. И поняла девушка, что частички коры просто напросто передают свое прежнее движение частичкам воды. От этого те начинают двигаться так быстро, что убегают одна от другой... За то частицы застывшей коры движутся уже медленней.

И Мери видела, как все плотнее сближались меж собой частички земной коры, как эта кора делалась все тверже и толще. И сильнее и сильнее давила кора на огненный океан, кипевший под нею, и все сильнее и сильнее сжимала его.

А дедушка Время снова поднялся вместе с девушкой высоко-высоко над землею, и Мери заметила, что во многих углублениях коры уже скопились большие лужи воды, — иначе говоря, кора уже сильно охладилась. Множество мелких озер виднелись там и сям на поверхности планеты. Над нею висели густые тучи. Шел проливной, словно тропический дождь. И на глазах Мери вырастали маленькие озера, и выходили из берегов и мало-помалу превращались в просторные моря. Наконец вся поверхность земли исчезла под водою. Обширный и глубокий океан покрыл почти всю планету.

Ветер разогнал тучи, и солнечные лучи заиграли на поверхности океана. Девушка любовалась величественной картиной, раскинувшейся перед ее глазами.

Но вот раздался страшный взрыв. Из глубины моря поднялись массы водяных паров. Среди волн на мгновение блеснула расплавленная масса, показались огненные языки. Раздалось страшное шипение. Снова загрохотал взрыв, за ним другой, третий...

И расступились волны океана. Расплавленная внутренность планеты вступила в борьбу с сжимавшей ее корой. Она, в виде громадного бугра, приподняла эту кору, и над расступившимся океаном поднялся гористый остров.

И видела Мери, что здесь и там поднял подземный огонь новые острова, то громадные, то едва заметные... Вся земная кора покрылась как бы огромными складками, а те, поднимаясь в одном месте, медленно оседали, опускались в другом, заставляя океан то наступать, то отступать и переливаться по поверхности планеты.

А лучи солнца золотили вершины скалистых гор и играли на волнах океана...

— Дедушка,—спросила Мери,—неужели такие замечательные явления происходят так быстро?

Старик улыбнулся.

— Мы здесь находились один миллион пятьсот тысяч земных лет, — сказал он. — Но не бойся: для тебя теперь время ничего не значит!

X

И снова спустился вниз и летел над поверхностью океана.

Угрюмо высились над морем пустынные скалистые острова; горы высоко поднимали свои вершины, которые исчезали в белых, седых облаках. И горы и острова были мрачны и пустынны; ничто не оживляло их, и всюду были видны следы подземного огня, который выдвинул их со дна океана. Только шум волн, ударявших о скалы, журчанье ручейков дождевой воды, там и сям пробивавшихся между скал, да свист ветра в ущельях и трещинах гранитных и базальтовых глыб—нарушали царившую тишину.

— Дедушка, — спрашивала Мери, — где же твоя работа? Что приготовляешь ты на этой планете? Подобные картины я видела и на земле, но не могла найти и следа твоей работы...

— Ты плохо смотрела, — отвечал старик. — Я недаром собрал со всей вселенной различные частички и заставил их сложиться в раскаленный шар; и недаром заставил эти частички передать свое движение атомам эфира и заставил эти атомы распределить это движение по всей вселенной; я недаром заставил частички составить и камни громадные — целые острова и материки, — и капельки дождевые — целые океаны и моря, и воздух, покрываю-

щий всю планету... Я снова перемещу многие частички и изменю вид пла неты. Присмотрись вокруг себя, — и ты увидишь это перемещение.

И увидела Мери, что влага, принесенная ветром, всасывается скалами и разрыхляет эти скалы; капли дождя, ударяясь о гранит, отрывают от горы песчинку за песчинкой, струйка воды, дуновение ветерка подхватывают эти песчинки и несут их далеко-далеко. И увидела Мери: точит, размывает скалы журчащий ручеек и несет глину, катит да катит перед собою песчинку за песчинкой, и все больше и больше таких песчинок собирается в разных тре щинах скал или у подошвы гор.

И увидела Мери, что каждая волна, буйно ударяющая о скалистый берег тоже отрывает у него песчинку за песчинкой, и уносит глиняную муть.

А между тем потоки дождя, речки и ручейки и морские волны делают еще другое дело. Вода лижет скалы и высасывает разные соли, которые там образовались еще тогда, когда планета была раскаленным шаром. Каждая капля воды растворяет хоть немного соли, и все больше и больше становится раз ных солей в морской воде, и из пресной она делается соленой. Наконец море уже не в силах высасывать соль из каменных скал. Его вода держит в себе столько соли, сколько лишь может держать... А дождевая и речная вода, до бравшись до моря, все приносит да приносит туда еще больше и больше раз ных солей. И эти соли и мелкие песчинки, и глиняная муть, остатки разру шенных скал и гор, все это оседает и оседает на морское дно — сначала бо лее тяжелый песок, а за ним и глина.

И вот на глазах девушки каменное дно океана мало-по-малу заносится глиной и песком; песок и глина начинают покрывать склоны и подошвы гор.

И вот глубоко под волнами все отлагаются и отлагаются новые пласты это песок, глина, известь и разные соли оседают из воды на песчаное или каменистое дно. Медленно растут эти пласты, но их рост не прерывается ни на минуту. И видит Мери — дно моря покрывается то огромными и мощными пластами песку, глины, то солью поваренной, то гипсом, то разными другими солями...

И смотрит Мери, как незаметно совершаются вокруг нее великие пере вороты. И в каждой движущейся частичке видит она пособницу этих вели ких дел. «Нет, — думает она, — не сутолоку я вижу вокруг, — это жизнь мира, которая имеет глубочайший смысл и ведет к великим последствиям».

А вокруг Мери все перемещаются да перемещаются частички всех веществ и то и дело меняется их состав. Каждая частичка странствует, пере ходит от разных причин с места на место. Вот частичка кислорода пере ходит от воды к железу, от железа к какой-либо соли, а там снова к воде или вот кислородная частичка воздуха соединяется с железом, там входит в состав воды, там попадает в состав какой-либо соли...

И, на глазах у девушки, от перемещения невидимых частичек изме няется внешний вид обширной планеты. А дедушка Время смотрит на Мери и улыбается и продолжает толкать одну частичку другою.

— Дедушка, — шепчет Мери, — я теперь понимаю, куда ведут эти мелочи; я теперь понимаю, что каждая частичка делает свое дело в устрой стве целого мира!..

XI.

Мери все более и более увлекалась своим путешествием; для нее все яснее и яснее становился глубокий смысл, глубокое значение тех повидимом

незначительных явлений, на которые она насмотрелась и без помощи дедушки Времени. Падали капли дождя; бушевали бури; шумели волны моря; журчали ручейки; по небу плавали облака; ветер разносил влагу по всем частям света. Работа подземного огня медленно поднимала морское дно и громоздила новые горы, выдвигала новые острова. Подземный огонь по временам давал знать о себе разрушительными землетрясениями. Тогда колебались скалы и горы и рассыпались на миллионы обломков. Иногда разрывалась земная кора, и через ее трещину на земную поверхность изливались огненные потоки лавы, и та, застывая, превращалась в твердые скалы. Там и сям огнедышащие горы изрыгали целые массы пепла, и ветер нес их за тысячи верст.

И на глазах Мери громадные горные хребты и белые острова были размыты водою и исчезли в волнах; почва в одном месте оседала, поднимаясь в другом; там, где когда-то были громадные материки, стали бушевать волны океана, а из океана выступали новые материки... Мери видела, что каждая секунда приносит с собой какие-либо изменения...

— Дедушка, — говорила Мери, прижимаясь к своему вожатому, — я начинаю понимать, как тесно связано одно с другим все, что ты делаешь. Я начинаю понимать великое значение мельчайших, обыденных явлений.

А старик только улыбался. И девушке на каждом шагу попадались частицы, которые, сталкиваясь, изменяли свой состав. Быстро колебались частички еще теплого моря, скользя одна около другой, и Мери видела, что эти колебания только способствуют изменению состава частиц.

Но вот дедушка Время остановился и сел на частичку воды.

— Дедушка, что же ты остановился? Неужто устал?

Оглядевшись, Мери увидела вокруг себя массу частиц, содержащих уголь. Вокруг угля в частице были расположены другие материалы: кислород, водород, азот. Эти частицы быстро двигались, и на глазах Мери состав их менялся. Частицы сначала были построены очень просто. Но чем дальше, тем более усложнялось их строение, и вместе с тем они становились менее и менее прочны...

И вот Мери видит, что вокруг нее образовались очень сложные частицы и начали непрерывно и постоянно изменять свой состав, и постоянно одни материалы входят в такую частичку, другие выходят из нее и идут на образование иных частиц. Это изменение состава на глазах Мери стало, наконец, происходить с такой быстротой, что у девушки закружилась голова.

Мери поняла, что здесь, на ее глазах, произошло что-то такое, что имеет громадное значение для всей мировой жизни. Мери видела, что на ее глазах из отдельных частичек углерода, водорода, азота и других веществ произошло какое-то новое и к тому же очень сложное вещество, которое постоянно разрушается, но вместе с тем, и постоянно образуется, созидается вновь, — вещество, которое, повидимому, так непрочно, а на самом деле прочней многих и многих других. И вот из этого вещества образовался сам собой маленький, маленький комочек какой-то белой, прозрачной слизи, похожей на белок куриного яйца, и состоящий из множества очень сложно устроенных частиц. И на глазах Мери комочек этот стал сам собой постепенно расти. Он скоро сделался гораздо больше, чем был, потому что в его состав то и дело входили частицы из разных окружающих веществ. Когда же маленький комочек вырос почти в полтора раза, Мери видела новое явление, он сам собой разделился на два новых комочка, а те, в свою очередь, тоже стали расти и тоже делиться на два. И все эти комочки были уже не мертвое, а ж и в о е в е щ е с т в о. Они питались, они росли, они размножались сами

собою. И Мери поняла, что эти маленькие комочки, такие маленькие, что обыкновенный человеческий глаз вовсе не может видеть их, — эти комочки не только живое вещество. Нет, они уже представляют собой ж и в ы е с у щ е с т в а, и эти живые существа появились около Мери в громадном количестве и быстро населили воду. И появились опять-таки сами собою, потому что при таких условиях иначе и не могло быть. Да, появились на дотоле пустынной планете маленькие, очень просто устроенные живые существа. И они не только питались и размножались, — они также и ч у в с т в о в а л и с в о ю ж и з н ь, — они чувствовали, что живут. И на эти существа сильно действовала вся окружающая их природа. И, под влиянием внешних обстоятельств, каждый живой комочек-существо то съеживался, то вытягивался, передвигаясь, благодаря этому, то в ту, то в другую сторону. В нем уже была жизнь и способность двигаться то туда, то сюда. И все это уже сопровождалось чувством жизни, то приятным, то неприятным, то удовольствием, то страданием...

XII.

Но откуда же взялось, откуда же появилось это самое чувство жизни? Почему и как только-что образовавшиеся живые существа стали мало-помалу ощущать самих себя, — стали чувствовать, что они живут, что они уже не то безжизненное вещество, из которого они произошли сами собою?

— Дедушка, — спросила Мери старика, — я замечаю около себя новое явление природы. Я вижу, — в живых существах уже появилась внутренняя, душевная жизнь. Скажи мне, откуда и почему она произошла?

Дедушка посмотрел на Мери и не сказал ни слова.

— Дедушка, — продолжала Мери, — что же ты молчишь? Открой же мне и эту тайну мироздания. Появилось ли чувство жизни в этих простейших существах само собою и только потому, что сделалось очень сложным то вещество, которое у нас называется живым?

Дедушка молчал, не отвечая и на этот вопрос Мери.

— Или, быть может, внутренняя, живая сторона имеется в зачаточном виде в каждой частице, в каждом атоме всякого вещества, из которого составлена вселенная, — даже в камне, в соли, в золоте, — во всем, во всем?

Дедушка смотрел на Мери и молчал по прежнему.

— Дедушка, — продолжала та,—меня мучит и еще один крайне важный вопрос, который тесно связан с тем, какой я тебе только что предлагала. Откуда и почему появилось в с я к о е вещество, — то вещество, из которого составлена вселенная, — все эти частицы и атомы, среди которых ты только что меня водил? Дедушка, моя душа мучительно жаждет проникнуть в самую глубину величайшей мировой тайны. Разъясни же, открой мне и эту тайну, — тайну первой причины мироздания, тайну начала всех миров, тайну зарождения и происхождения всей вселенной.

Дедушка по прежнему добродушно и любовно смотрел на Мери, но по прежнему не давал и на этот ее вопрос никакого ответа.

— Быть может, и частицы, и атомы, и их вековечное движение созданы какой нибудь внешней сверхъестественной силой, каким нибудь всемогущим божеством? — снова спросила Мери старика. — Быть может, то же божество вдохнуло и во все живые существа чувство и сознание жизни, которое у людей называется душой?

Дедушка пристально посмотрел на Мери и добродушно улыбнулся.

— Что же ты улыбаешься, дедушка! — воскликнула Мери.

— Я улыбаюсь потому, что вот и ты, видевшая самые глубины вселенной и узнавшая самую суть ее устройства, все-таки заговорила о какой-то внешней силе, о божестве, — сказал наконец старик. — Зачем же и почему ты упоминаешь о внешней силе? Неужели от того, что ты станешь верить в ее существование, даже и не видав ее своими глазами, в твоей душе сделается от этого что-нибудь хоть немножко яснее? И неужели твой ум от того углубится и прояснится, если я вот сейчас скажу и покажу тебе, что все существующее, вся вселенная создана такими-то и такими-то богами или каким-нибудь единственным божеством? Скажи же мне, девушка, разве бы тебя такой мой ответ о внешней причине всего мира хоть сколько-нибудь мог бы удовлетворить? И разве после того ты снова бы не спросила меня: «А откуда же и каким именно способом появились эти самые боги или бог? Или они-то и существуют уже веки вечные? Они, а не вселенная?» Так разве же вечное их существование тебе понятней, чем то же вечное существование вселенной? Но что это значит «вечно существовать»? Это значит не иметь ни начала, ни конца. А можешь ли ты, как и всякий иной человек, понять, что такое вечное существование?

— Нет, — отвечала Мери, — **такого** существования не может понять и даже представить ни один человеческий ум...

— Ну, а если я тебе скажу: эти атомы, эти частицы, из которых построена вся вселенная, они-то и существуют вечно? — продолжал дедушка Время. — А если я тебе скажу: «и их движение тоже не имеет ни начала, ни конца». И частицы, и их движение ты сама видела своими глазами. Они существуют, они — факт. А видела ли ты или кто другой, чтобы эти частицы и движения возникали из ничего? Ну так и смотри на них как на существующий и действительно доказанный факт, т.-е. как на то, что действительно существует перед тобою и что ты видишь своими глазами. Признай, что вокруг тебя существуют действительно и вечность и бесконечность, вечное бытие того, что лежит в самой основе вселенной. Меняются только ее формы, а основа вселенной, — атомы, частицы и движения их, — не имеют ни начала, ни конца. Вечность и бесконечность — непостижимая тайна для человека. Но зачем же тебе одну тайну объяснять какою-то другой, столь же темной, непонятной и недоступной человеческому уму? Зачем тебе объяснять тайну мира тайной разных богов? Подумай и реши, разве же это объясняет тебе хоть что-нибудь из того, что ты видишь своими глазами? Ищи, размышляй, старайся проникнуть своим умом во всякую тайну мира, но бойся называть непонятное понятным. Никогда не называй того, что еще **не познано**, названием уже познанного. Никогда не называй **Непознаваемое** названием **Познаваемого.** Если ты будешь смешивать в твоем уме то и другое, ты будешь только толочься на месте и только запутаешься в своих же собственных словах. Тайна и есть тайна. Непознаваемое и есть непознаваемое. И Непознанное до тех пор будет Непознанным, пока люди действительно не познают его достоверно и точно. Зачем же называть Непознаваемое и Непознанное какими то другими кличками и именами, например, именами каких-либо богов? Зачем приписывать им все те же человеческие свойства и качества, только в бесконечно большей пропорции? Остановись же и скажи сама себе: «здесь я на границе непонятной для меня вечности».

— Моя душа, мой разум жаждет чего-то большего, — сказала Мери.

— Для твоего разума тоже есть естественный предел, — продолжал старик. — Если же ты не желаешь или не можешь его признавать, рассуждай в

таком случае и дальше, — все в прежнем роде, и тогда спрашивай себя: «а что же такое божество, сотворившее вселенную? А его-то кто сотворил в таком случае? Быть может, другой какой нибудь бог? А того кто? Еще кто-нибудь другой? А того?» И так далее. Когда же в таком случае остановиться? Не отодвигай же кажущихся пределов мировой тайны искусственным способом. Остановись там, где ты не можешь не остановиться, и признай, что начало всех начал — тайна, появление атомов и частиц — тайна, появление чувства жизни в живых существах — тоже тайна...

— А ты, дедушка, кто? — спросила Мери старика.

— И я тоже тайна, — отвечал старик...

И дедушка Время замолчал.

Замолчала и Мери. Ее человеческая душа как бы замерла в глубоком созерцании всего существующего пред лицом непостижимой вечности. Что-то великое и глубокое чувствовала Мери в словах дедушки. Но вот снова загорелся в душе Мери жгучий святой огонек, и она сказала сама себе:

— Я хочу знания, я хочу полного, всестороннего, широкого и глубокого знания, но прежде всего знания **точного**, — точного и достоверного...

Дедушка Время как бы угадал то, что происходит в душе девушки.

— Смотри и изучай,—сказал он.—Изучай **устройство** и жизнь вселенной. Здесь человеческие знания действительно могут быть и достоверны и точны...

* * *

Снова понесся дедушка Время вперед и вперед. И Мери видела, что во многих местах планеты уже шло напряженное наростание жизни. Больше и больше становилось чрезвычайно изменчивых живых частиц и маленьких комочков, из них составленных. Они собирались в группы и заселяли теплый океан.

Мери поняла, что дедушка Время не спроста устроил все то, что она сейчас видела. Она предугадывала, что дедушка подготовляет какое-то новое, глубоко важное и величественное явление.

XIII.

И перед глазами Мери развернулась новая картина.

Оживились темные пучины моря. Мириады живых существ закопошились в каждой капельке воды. Это были весьма несложно устроенные существа. Сначала все они представляли собою простые комочки студенистого, прозрачного вещества, частицы которого чрезвычайно быстро меняли свой состав. Комочки эти не имели никакой определенной формы; они то съеживались, то расширялись, то выпускали крошечные отроги и таким образом двигались. Порой к комочку прилипала какая-либо соринка, и материал ее частиц шел на образование частиц комочка.

— Видишь, — говорил дедушка Время, — это существо не может не питаться, потому что материал соринки непременно войдет в него; а, питаясь, комочек непременно будет расти, пока не распадется на два... Одно непременно вызывает другое... Мне не нужно вмешиваться в жизнь каждого существа... Вся жизнь мира у меня налажена и идет неизменным порядком. Я лишь украшаю вечность изменчивыми явлениями.

И чем более смотрела Мери, тем сильнее и сильнее проникало в ее душу чувство удивления к работе дедушки. И перед нею комочки-существа

двигались, питались и, распадаясь на два, размножались... А комочков этих становилось все больше и больше...

Но вот Мери заметила, что внутри комочков выработалось какое-то вещество, которое просочилось на поверхность и затвердело. Вокруг каждого комочка вдруг появилась пленка или оболочка, и окружила собою со всех сторон живое вещество. Комочки превратились в ячейки или «клеточки», которые тоже стали двигаться, питаться, размножаться.

Больше и больше становилось таких клеточек-существ. Каждая капля воды представляла новые картины жизни и движения. Вот уже везде кишат живые существа. Волны выбрасывают их на берег; морской прилив и отлив приучает их к жизни то под водой, то на суше; ветер, вместе с брызгами, подхватывает их и разносит по всей поверхности планеты. Каждая лужа воды уже населилась особым мирком животных и растений.

Закопошились повсюду живые существа и стали пожирать друг друга Мери видела, как мельчайшие водоросли, студенистые комочки, подплывали к мельчайшим животным, облекали их собою, а затем пожирали их, а рядом— такие же животныя питались веществом водорослей...

Долго носился дедушка Время над планетой, а Мери всюду встречала все одну и ту же картину. Но вот ей стали попадаться существа, состоящие уже не из одной, а из двух клеточек. Вот стали встречаться и целые клубочки клеточек; каждая клеточка в них попрежнему жила, питалась, размножалась на свой страх и сама по себе... Но все они были склеены, соединены между собой. Мери видела, что появляются на земле все новые и новые виды клубочков из клеточек. В иных клубочках клеточки все тесней и тесней примыкали одна к другой, давили одна на другую. Одни клеточки уже сплющились в пластинки, другие вытянулись в трубочки, третьи приняли вид звездочек... Из одноклеточных живых существ на глазах Мери произошли сами собой существа многоклеточные, и населили землю. И среди этих существ Мери тоже могла различать и растения и животных.

Мириады сложно устроенных растений и животных все более и более заселяли обширную планету. Водоросли ютились у скал; волны выбрасывали их далеко на берег. Прилив нес их за собою и оставлял на суше. Мери видела, как целые миллионы их погибают под лучами солнца. Но многих предохраняют от жара и сухости плотные и толстые оболочки их клеточек, позволяя дожидаться нового прилива.

Вот, на гранитной скале, прикрепились два растения, очень похожие одно на другое, но у одного из них, как заметила Мери, его оболочки клеточек были немного плотнее и толще, чем у другого.

— Дедушка, — спросила она, — зачем ты потратил свой труд, чтобы сделать оболочки клеточек у этой водоросли плотнее и толще, чем у той?

— И здесь мой труд потрачен не напрасно, — отвечал старик. — Ведь, благодаря таким оболочкам своих клеточек, это растение не погибнет и под палящими лучами солнца и будет долго процветать даже на каменистой почве и на воздухе, как и под водой. И не только оно, но и потомство его, коли будет обладать таким же самым удобным устройством своих клеточек, также станет процветать на этом месте. Быть может, заброшенное еще дальше на сушу, оно будет процветать и там... Но совсем не такова судьба другого растения, у которого оболочки клеточек хоть немного потоньше и не так крепки: нежное растение или должно жить только под водою, или же погибнуть... И с другими, похожими на него, будет то же самое... И с их потомствами тоже...

И видит Мери, что исполнились слова дедушки. Погибло нежное, неудобно устроенное растение, и даже не оставило после себя потомства, а его сосед все продолжал жить, и скоро похожие на него потомки заселили весь берег моря. А из них нашлись растения еще более прочно устроенные, еще лучше приспособленные к тому, чтобы сохранять свою жизнь и поддерживать свой род. Все иначе устроенные погибали и погибали, и в конце концов погибли все до последнего. Осталась только та порода их, которая была по своему устройству лучше приспособлена к своей среде. Такие-то растения и заселили берега; они забрались и на сушу далеко от берегов; в разных местах, при разных условиях, само собою из одной их породы таким же самым способом сделалось несколько разных пород; из десятков их — тысячи, а из них — сотни тысяч. И горы и равнины покрылись зеленым ковром.

Так появились все новые и новые существа, не только растения, но и разные животныя, все сложнее и сложнее устроенные. Из одних пород их, мало-по-малу и сами собой, делались совсем другие, на них непохожие. Всякая случайная и даже самая мелкая выгода в телесном устройстве уже помогала сохранять жизнь; всякая случайная невыгода в этом устройстве уже мешала ей.

Мери видела, что жизнь расцветает на планете словно роскошный цветок. Вот целые леса водорослей покрывают уже дно океана. Плауны, хвощи и мхи одевают скалы и песчаные земли. Коралловые полипы работают, сооружая целые острова. Между лесами водорослей и кораллов плавают бесчисленные стада рыб. Миллионы причудливо-прекрасных раковин раскиданы по берегам и на дне океана.

Бесплодные скалы островов и материков уже исчезают под зеленым ковром растений. Роскошные папоротники гордо поднимают свои короны к голубому, ясному небу. По берегам реки ползают громадные ящерицы, оставляя на песке глубокие следы. Гигантские, покрытые броней черепахи лежат, греясь на солнце. Порой в воздухе слышно тяжелое хлопанье крыльев летучих ящериц. Плезиосавры, — чудовища с длинной шеей и громадной пастью, — с силой рассекают волны океана своими плавниками. Покрытые броней ихтиосавры там и сям высовывают из волн свои крокодилообразные головы.

А под темными сводами леса тоже копошатся целые миллионы живых существ. Черви роются в земле, насекомыя жужжат в воздухе. Змеи с шипеньем ползают по влажной, усеянной грибами, почве...

На берегу реки лежит гигантский динотерий, — громадное животное, похожее на тапира, с хоботом и клыками. Мери видит — стада огромных мамонтов, снабженных большими загнутыми бивнями и покрытых волосами, прокладывают себе дорогу среди роскошной растительности. Мери не может оторваться от этих гигантов первобытного мира, мелькающих перед нею. А дедушка Время несется вперед и вперед...

XIV.

Вдруг он остановился. Оглядевшись вокруг себя, Мери только теперь с удивлением заметила, что уже давным давно атомы и частицы перестали быть видимы ею. Их словно и не существовало.

— Дедушка, мы выросли? — спросила она.

— Да,—отвечал тот.—Ты теперь знаешь, из какого материала я строю

мироздание. Что бы ты ни видела, где бы ты ни была — не забывай про него. Помни, что в глубине всех явлений, везде, во всех живых существах — и животных, и растениях, и во всех камнях и пластах земли, и в воздухе, и в воде работают мои маленькие работницы-частицы, которые движутся, изменяют состав, располагаются всевозможным способом.

Осмотревшись, Мери поняла, что они находятся в клеточке какого-то растения; эта клеточка казалась ей величиною с комнату. А дедушка Время снова взял Мери за руку и повел из одной клеточки в другую. Долго ходили они таким образом. По длинным трубочкам-сосудам, по которым текут в растениях их питательные соки, они спускались глубоко в корни; вместе с соком растения они поднимались по стеблю вверх, в листья, в цветы, а через устьица, т.-е. через отверстия в кожице листа, — выходили наружу; из одного растения они входили в другое, в третье, в разные растения, какие только есть на земле, в деревья, кустарники, травы, мхи, водоросли, грибы. И везде Мери встречала клеточки-ячейки всевозможных форм. Иные клеточки были чрезвычайно вытянуты и походили на длинные полые трубочки, по которым двигался сок; иные были изогнуты, другие сплющены, третьи представляли собой многогранники, прижавшиеся один к одному.

Каждая клеточка делала свое дело. В одних клеточках приготовлялся материал для постройки других; другие то и дело всасывали воду, которая поднималась вверх и разносила по всему растению питательные вещества; третьи, благодаря своим толстым стенкам, служили для поддержки всего растения и для охраны его от холода и жары, четвертые поглощали пищу из воздуха.

И все клеточки были так расположены, что составляли единое целое— красивое растение.

И видела Мери, что в этих красивых зеленых папоротниках, которыми она прежде лишь умела любоваться, кипит ключем жизнь, ни на минуту не прекращаясь; что у каждого растения есть свои нужды, свои потребности, которые требуют удовлетворения...

А старик между тем быстро перенес Мери из клеточки папоротника в гнездо какой-то птицы. Там на трех яичках сидела самка. Через небольшое отверстие в скорлупе они вошли внутрь яйца. Пробравшись через слой белка, Мери с удивлением увидела перед собою целую массу всевозможных клеточек.

— Дедушка, что это такое? — спросила она. — И здесь, внутри животного, я вижу клеточки, весьма похожие на клеточки растений.

— Да, — отвечал старик, — и здесь клеточки, хотя и иного состава и иного вида. Из них и состоит зародыш всякого животного.

Мери видела, что клеточки его очень слабо скреплены между собою; но чем дальше она странствовала между ними, тем теснее и теснее становилось идти, потому что зародыш развивался, выростая. А по мере того, как он рос, клеточки его сплачивались и надавливали одна на другую. Их формы от этого все более и более изменялись. Клеточки соединялись в пластинки; вытягивались в волокна, которые разростались во все стороны, переплетались между собою в плотные ткани. Мери с удивлением видела, как одна группа клеточек, постепенно видоизменяясь и загибаясь, образовала собою мозг, другая — сердце, третья — желудок, легкия...

И на глазах у девушки бесформенная группа клеточек разрослась и сложилась в хорошенького птенчика, в котором уже кипела жизнь; билось сердце, двигались потоки крови, стали действовать нервы и приводить в дви-

жение мускулы. И Мери не заметила, как вместе с птенчиком она вышла из яйца.

Осмотревшись вокруг, Мери увидела, что большая часть клеточек до такой степени уже изменилась, что их не всегда можно было признать за клетки...

Дедушка Время долго водил Мери по организму. Укрепившись на кровяном шарике, они совершили путешествие по всему телу. Мери видела, как одни клеточки отмирают, а на их место появляются другие, как одни клеточки выделяют из себя соки, которые различным способом служат для питания других...

И каждая клеточка делала свое дело, и все клеточки были так расположены, что составляли из себя красивое животное...

И поняла Мери, что за видимой жизнью и работой животных и растений скрыта невидимая жизнь и работа клеточек, а в глубине этой жизни и работы тоже скрыта еще более невидимая работа — жизнь вещества, частиц и атомов. И по мере того, как дедушка Время водил Мери между клеточками плезиосавров и мамонтов, папоротников и грибов, — все понятнее становилась для нее жизнь...

Порою Мери замечала, что некоторые клеточки от самых незначительных причин перестают работать и мешают правильной жизни других; те, в свою очередь, делают то же. Это означало, что деятельность организма клонится к упадку, что смерть приближается к нему...

И на глазах Мери умирало много животных. Одни умирали от недостатка пищи, другие от холода или жары, третьи становились жертвою мельчайших паразитов, которые высасывали из них соки и мешали их клеточкам жить; четвертые умирали от старости или болезней. И во всех этих случаях видела девушка, что нарушается жизнь незаметных работниц — клеточек...

И поняла Мери, что для жизни нужно удовлетворение всех необходимейших потребностей, а не будут они удовлетворены — и организм будет клониться к гибели.

XV

Вдруг и клеточки, и животныя, и растения — все скрылось. Земной шар быстро ушел из-под ног Мери, и она снова очутилась в пространстве. Громадный, освещенный солнцем земной шар виднелся глубоко под нею. Девушка посмотрела вниз... Там, внизу, блестели материки, синели океаны... Изменяя постоянно свои очертания, они принимали контуры хорошо знакомого земного глобуса. Вот Азия, Африка и Европа... Вот Америка поднялась из океана и вытянулась от полюса до полюса. Вот древний обширный материк, оседая и оседая в волны океана принял очертания Австралии... У полюсов заблестели снега и льды...

Они делались все больше и больше, они наступали с обоих полюсов; вот они покрыли огромное пространство земли; они захватили собою больше половины Европы... Но вот они снова начали таять, отступать... Впрочем, нет — вот они снова остановили свое наступление и стали опять надвигаться и расти, а затем снова стали понемногу таять и, наконец, отодвинулись в ледовитые океаны, к полюсам земли...

Дедушка Время быстро помчался к земле, и перед глазами девушки развернулась новая картина.

Величественные пальмы поднимали свои вершины к небу. Усеянные

пестрыми цветами лианы переплетались вокруг стволов, образуя зеленые сети. В роскошном море зелени купались целые стада обезьян. Зеленые и серые попугаи порхали с ветки на ветку. Мириады разнородных голосов раздавались со всех сторон и смешивались с шумом деревьев. А золотистые солнечные лучи играли на зелени, горели на струйках ручейка, переливались радужными цветами в капельках росы...

А под зелеными сводами слышалось иногда шипенье змеи; порою, крадучись, легкою походкой пробиралась дикая кошка, а под листвой, нависшей над рекою, виднелась огромная пасть крокодила...

Вот раздвинулись камыши, и среди зелени Мери увидела грациозную голову газели. Животное, наклонившись над рекой, с жадностью втягивало в себя холодную воду...

А из-под куста акации смотрели на нее огненные, налитые кровью, глаза тигра. Громадным прыжком хищник бросается на газель. Его зубы впиваются в шею жертвы, когти разрывают мясо. На траву льются красные струйки крови, и целый рой мух и жуков спешит поживиться кое-какими остатками от обеда тигра...

Мери с ужасом смотрела на эту картину кровопролития и смерти. А вокруг кипела жизнь, пели птицы, шумел лес, — и тем тяжелее было девушке видеть, как громадный хищник разрывал тело своей жертвы и пил ее кровь...

— Дедушка, — спрашивала Мери, — зачем это убийство, зачем эта кровь? Неужели это необходимо? Неужели ты не мог устроить иначе?

А старик угрюмо молчал. Он вместе с Мери вскочил на красивого мотылька, и они понеслись по лесу и по лугу...

И много картин смерти и разрушения увидела Мери. Вот пестрые древолазы ловили и пожирали насекомых. Дикие кошки прятались в ветвях баобаба, выслеживая обезьян. Пальмовые куницы ловили мышей. Пеликаны неподвижно стояли над водою, выслеживая рыбу. Лягушки старались изо всех сил поймать муху или червяка. Блестящие кузнечики пожирали комаров. Мери видела, как целые полчища муравьев, термитов, жуков-могильщиков и червей копошатся, пожирая какую-то падаль... Миллионы всевозможных животных уничтожают растения. Вот пасутся дикие быки; крадется в чаще грациозный олень; белки грызут орехи; дикие петушки клюют семена... Вот множество цветов и насекомых погибают под тяжелыми ногами носорога. Пробираясь в чаще леса, громадный слон давит порою неосторожную лягушку или ящерицу...

Мотылек, на котором сидела Мери, сел на красивый цветок лианы. Мери увидела, как раз перед собою, на серой коре дерева, красивого зеленого жука, который так и блестел на солнце... А рядом с ним, едва заметный на сером фоне, возился серовато-коричневый жук-дровосек. Присмотревшись, Мери увидела около него другого совершенно серого дровосека; цвет этого последнего так походил на цвет коры, что Мери с трудом заметила его...

Но вот из кущи деревьев выпорхнул красивый белый какаду... Он издали заметил зеленого жука, и красивое насекомое исчезло в клюве птицы.

— Видишь, — сказал дедушка Время, — не совсем выгодно зеленым жукам сидеть на серой коре.

А в это время на дерево, где работали дровосеки, вспорхнул зеленый дятел. Он быстро заметил коричневого дровосека, и не успел тот спрятаться в трещину коры, как дятел захватил его своим клювом...

А в это время серый дровосек уже был далеко, вне опасности...

Мери не понимала, зачем дедушка Время показывает ей такие обыденные явления.

— Ты думаешь, это мелочь? — спрашивал ее старик. — Нет, перед тобой совершилось явление громадной важности. Не один жук, а целые миллионы жуков погибли таким же способом; всех их погубил красноватый цвет их надкрылий... Всегда, во все времена, коричневых дровосеков погибает больше, чем их серых незаметных товарищей... И потому с каждым годом, медленно, но постоянно, уменьшается их число. И повторятся такие случаи миллионы раз, и совсем исчезнут с лица земли все коричневые дровосеки, а останутся жить одни только серые... И скажут люди, что коричневые дровосеки сделались серыми, коричневая порода их — серою, иначе говоря, из одной породы их вышла совсем другая. — Нет, — продолжал старик, — это не мелочь; накопится много этих «мелочей», и непроходимая пропасть ляжет между предками и потомками... Потомки сделаются совсем не похожими на своих собственных предков. Переменится мало-по-малу, этим самым способом, не только внешний вид, но и все внутреннее устройство их. И так бывает не только с животными, но и с растениями,—так бывает у всех живых существ на всей земле, от самых низших до самых высших. Никто и ничто не может веки вечные оставаться без всяких перемен. Так шло и идет с незапамятных времен, и всегда будет так идти. Только перемены могут спасти от конечного уничтожения и отдельные существа, и весь их род.

А вокруг Мери жизнь уже давно кипела ключем. И картина жизни затмила в головке Мери картину борьбы и смерти. Пели птицы, шумел лес, порою слышалось рычанье тигра; и это пение птиц, рев хищников, резкие крики обезьян, шелест листьев, жужжанье насекомых — вливались в один общий могучий голос. И казалось Мери, что все живое поет вокруг нее одну песенку жизни:

«Мы хотим жить, мы все одинаково хотим жить. Мы любим жизнь, она дорога нам. Мы все силы и способности употребляем на то, чтобы сохранить нашу жизнь. Мы работаем для этого, кто как может. Потому что мы хотим жить, мы все одинаково хотим жить».

И многое-многое уяснила девушке эта песня. Мери поняла, что вокруг нее идет борьба и уничтожение не потому, что животныя жаждут смерти и разрушения, а потому, что сами они хотят ж и т ь. У каждого живого существа есть свои потребности, свои нужды, и о них-то прежде всего и заботится каждое существо...

— Дедушка, — спрашивала Мери у старика, — но зачем льется так много крови? Зачем так много погибает живых существ?

А старик, вместо ответа, указал ей на семена одуванчика которые неслись по воздуху, гонимые тихим ветерком.

— Видишь, — говорил он, — каждый цветок производит целые сотни семян, а ветер далеко разносит их. Одни семена погибнут в воде, другие попадут на сухую или каменистур почву; иные послужат пищей какой-либо птице, некоторые попадут и на хорошую почву, но там растут уже другие растения, корни которых не всегда оставляют довольно пищи и на долю одуванчика... Иное же семячко и укрепится где-нибудь в подходящем для него и уютном уголке и пустит корни. Но даже и в этом уголке ему придется состязаться с другими растениями, которые поместились рядом. И у них есть корни, высасывающие влагу; и им тоже влага необходима: если она, как и почва, достанется одному какому нибудь растению, значит, не достанется другому... За почву и за влагу, и за солнечный свет и тепло растениям при-

ходится вести борьбу. А если бы не было этой борьбы, если бы не погибали многие семена, — то любое растение, дающее много семян, как, например, эти одуванчики, быстро покрыло бы собою всю землю и не дало бы места другим растениям... Но ведь и те хотят жить... Нечто подобное происходит и в мире животных...

И снова понесся дедушка Время вперед и вперед. И картины жизни и борьбы замелькали перед глазами девушки.

Но вот белый туман покрыл землю, и в этом тумане задвигались какие-то тени. Вот показалась тяжелая громада — мамонт. Вот, словно из воды, вынырнула пасть ихтиозавра. Вот пролетела, хлопая крыльями, летучая ящерица... И сквозь туман виднелись громадные хвощи, плауны, папоротники...

— Дедушка, — в страхе шептала Мери, — что это за тени мелькают предо мною?

— Это тени былой жизни, былых обитателей земли; они вымерли уже миллионы и сотни тысяч лет назад, — отвечал старик. — С ними случилось то же, что и с коричневыми дровосеками, а их место заняли их же потомки, только устроенные лучше их...

И поняла Мери, какой громадный смысл и значение скрываются в этой сутолоке и борьбе, которую она видела вокруг.

И вдруг весь шар земной сделался на мгновение прозрачен, как хрусталь, и девушка увидела, что в его глубине белеют кости вымерших животных, чернеют обугленные стволы погибших растений...

И этих остатков минувшей жизни было так много, что весь шар земной, казалось, был ими обложен, словно панцырем.

XVI.

Видение давно исчезло, а Мери не могла еще прийти в себя. В ее голове копошилось столько мыслей, что она была буквально подавлена ими.

Но вот дедушка Время тихонько дотронулся до ее плеча рукою, и Мери увидела перед собою новую картину.

Посреди роскошной долины, на берегу приветливо журчащего ручейка, расположились в тени акаций и пальм какие-то люди. Их тела были раскрашены красной и желтой краской; в волосах воткнуты цветные перья; шкуры диких зверей едва прикрывали их тела.

Это охотники, возвратившиеся с охоты. Вот лежат на траве убитые олени и буйволы. Рядом валяются стрелы, копья и палицы; наконечники этих копий и стрел сделаны из кремня и из костей. На берегу пылает костер, в который дети подкладывают сухие ветки. Женщины сдирают с оленя шкуру.

Охотники утомлены. Голод и жажда мучат их.

Но вот в кустах, на противоположном берегу ручейка, мелькнуло что-то черное. Среди зеленых ветвей показались человеческие головы. Раскрашенные лица смотрели сурово и жестоко... Раздался громкий рев сотни голосов. В охотников, не ожидавших нападения, полетел целый град камней, стрел и дротиков. Несколько человек упало, обливаясь кровью, некоторые схватились за оружие.

Но не равен бой. Сильный и многочисленный враг одолевает. Усталые охотники падают один за другим. На их глазах убивают их жен и детей...

Через несколько минут только трупы побежденных валяются на берегу

ручейка, и победители сдирают с их черепов волосы. Эти скальпы будут служить им знаками их могущества и силы...

— Дедушка, — шепчет Мери, — зачем показываешь ты мне такие страшные, тяжелые картины? Среди людей я нахожу те же самые отношения, какие только что видела среди зверей.

— Молчи, — отвечал старик, — молчи! Не все меряй человеческою меркой, — учись понимать жизнь мира такою, какова она есть на самом деле.

И перед глазами девушки мелькают страшные картины одна за другою. Куда ни обращается ее взор, — везде человек убивает человека и видит в нем своего врага. Повсюду льются потоки крови. Везде победитель убивает побежденных... И крови льется так много, что нет на земле ни одного такого места, где не была бы когда-нибудь пролита человеческая кровь...

И понимает Мери, что не даром дедушка Время показывал ей кровавые картины. Смотрит девушка на молодое человечество и замечает, что с ним постоянно происходят глубокие перемены; крепнет и растет человеческий род. Борьбою и в борьбе человек защищает, отстаивает свое право на жизнь. Борьбою и в борьбе он поддерживает свою жизнь; борьбою он старается переделать, изменить ее к лучшему. В борьбе растет, развивается личность человеческая, ее сила, ловкость, ум, энергия. Каждый, кто живет и кто хочет жить, непременно уж ведет борьбу. Борется с голодом, с холодом, с врагами, со всей природой, борется с насилием других людей. Должен же ведь быть предел и звериному дикому насилию. Кроме борьбы нет другого способа остановить, обуздать его. Только там и есть жизнь, где есть борьба за нее; а где нет борьбы, там и жизни нет. И вот в борьбе за жизнь, за свою лучшую жизнь, развивается человечество. Человек волей-неволей перестает вредить человеку; сильный сильному поневоле перестает быть врагом. Расчищается таким способом поле не для ненависти человеческой, а для любви; расчищается почва для обмена услуг, для взаимной выгоды; кое-где даже сильный человек перестает быть врагом человека слабого. Уж не одна злоба и ненависть господствуют между людьми. Понемногу разгорается, развивается чувство дружества, симпатии и бескорыстной любви. Воин-мужчина уже чувствует в своей груди бескорыстную дружбу и привязанность к другому такому же воину. Но узок, еще очень узок этот круг дружбы, единения и любви: свой любит только своего, родственник родственника, родич родича, одноплеменник одноплеменника, земляк земляка, но никто еще не умеет любить просто-напросто всякого человека, только потому и за то, что и он такой же человек. Не легко научиться человеку любить своего ближнего, и к тому же любить как самого себя и не желать и ему того же, что и себе самому кажется нежелательным... Размножаются люди. Нужда, выгода, дружба все сильнее влекут и связывают людей с людьми. Из отдельных семей размножаются и составляются отдельные рода, из отдельных родов — разные племена, из разных племен разные народы. Все сложнее становится жизнь. Но не могут еще люди всех племен, разных племен, составить собою единую дружную семью — человечество. Род борется с родом, племя с племенем, народ с народом. Любовь и вражда, словно свет и тьма, ведут да ведут отчаянную борьбу-войну, каждая по-своему... И борьба дает свои результаты,— в борьбе развивается ловкость, сообразительность, сила и энергия; все меньше и меньше совершается насилий на земле.

— Вот минуло сто лет, — считает дедушка, — прошел еще век... третий... десятый... тридцатый...

И на глазах Мери люди сами собой перестали быть дикарями. Кое-где

выросли селения, раскинулись города. Нужда, выгода и дружба уже объединили многих людей, а объединенные люди делаются все сильнее и сильнее. Человеческие головы все более и более приучаются рассуждать; люди привыкают направлять свои поступки сообразно со своими желаниями...

А дедушка Время все отсчитывает век за веком, и на глазах Мери развивается жизнь, укрепляются мысль и энергия людей...

Но они все еще очень слабы...

XVII.

Вот на берегу Евфрата раскинулся огромный город. Со всех сторон его окружают толстые стены, высоко к небу поднимается храм Бела. Над тысячами зданий высятся обширные роскошные дворцы, украшенные изображениями царей и богов. Каменные быки и львы с человеческими головами и крыльями подпирают тяжелые кирпичные своды.

Солнце яркими лучами освещает весь город. Мери видит, что там происходит что-то необыкновенное. На улицах кипит движение. Целые толпы народа бегут к северным воротам города. Там уже десятки тысяч любопытных усеяли широкие стены, площади, крыши домов и храмов.

Мери любуется на эту пеструю картину. Она слышит гул народа, волнующегося словно бурный океан...

Вот раздаются звуки труб. Расступается толпа. В воротах показывается торжественная процессия, — это царь-победитель возвращается с победы. Он победил могучий и многомиллионный народ. Он покорил обширную страну. Теперь он ее властелин, — по праву силы. Теперь и эта земля, и люди, все это, — его «священная собственность». Так говорят победителю и сами боги устами своих жрецов.

Несколько сот воинов в кольчугах и остроконечных шапках, мускулистые, загорелые, несут на копьях чьи-то полусгнившие отрубленные головы... Это головы предводителей и сановников побежденных народов.

Вот в воротах показались музыканты; за ними движется целый лес пестрых знамен и военных значков.

Вот появилась золотая колесница царя. Мрачный евнух держит над его головой огромный зонтик. Колесницу везут четыре человека в роскошных одеждах.

Это побежденные и пленные цари везут царя-победителя.

Народ падает ниц перед своим владыкой. Все забыли о своих кровных, кости которых десятками тысяч белеют где-нибудь в пустыне; все позабыли, какой ценой заплачено за прихоти их владыки...

Вот идут воины, оставшиеся в живых; на носилках несут кучи золота и серебра, дорогих тканей и драгоценных камней, доставшихся царю-победителю...

Гул стоит в воздухе. Вдруг до Мери долетают новые звуки. Она слышит чьи-то стоны и проклятия, слышит звон цепей; она видит: новые толпы вступают в город.

Идут, громыхая цепями, красивые юноши, бледные старики, слабые женщины и дети. Вооруженные бичами и палками воины погоняют ослабевших.

Все эти люди обречены на тяжелое, страшное рабство. Над ними будет вечно висеть бич надсмотрщика; они должны постоянно опасаться погибнуть мучительной смертью благодаря одной прихоти их господ. А в это время их

опустошенная, ограбленная родина будет страдать тяжелым вражеским игом, не имея силы сбросить его...

На площади длинным рядом вытянулись колья, на которые посажены мятежники, осмелившиеся восстать против своего властелина; на солнце гниют тела бунтовщиков,—с них живых содрана кожа...

И видит Мери: за много верст от Вавилона еще пылают селения, еще дымятся плодородные поля; тлеют на полях трупы, которых не успели пожрать дикие звери. Не имея жилищ, живые скрываются по лесам... А на берегу Евфрата копошатся тысячи рабов, месят глину, делают кирпичи, возводят своды роскошного дворца, в котором некому будет жить... Это повелитель Вавилона хочет увековечить свою славу...

Сердце Мери болезненно сжалось...

«Убийство заменено рабством, — думает она, — но, как жестоко и дико человек относится к человеку! Человек — тоже священная собственность человека! Земля, на которой даже звери живут свободно, ни у кого не спрашиваясь, тоже собственность того, у кого в руках богатство и просто-напросто грубая, слепая, чисто звериная сила»

Но вот дедушка Время быстро спустился вниз. И видит девушка, в бедной хижине сидит старик-гончар и думает думу: «Ради чего велась эта страшная война? Ради кого погибли мои сыновья? Неужели это для моего счастья? — Где оно? Почему я его не чувствую? Неужели не может быть большего счастья? Почему от меня отняли моих детей, пославши их на войну? Почему от меня отнимают то, что наработано моим же трудом, и заставляют платить военный налог? Почему меня хотят убедить, что все это делается по воле самих богов и для моей пользы?»

— Дедушка, — шепчет Мери, — какое отношение имеют мысли этого старика к жизни человечества?

Дедушка только посмотрел на нее. И в то же мгновение Мери узнала все, что думают все другие люди. Она узнала, что не в одной людской голове, а во многих копошатся такие же самые мысли. В разных краях земли, — и в Египте, и в Китае, и в Индии, и в Персии, — многие люди думают одно и то же. Мери видит, что додумались они до этого всевозможными путями; различные обстоятельства наводили их на одну и ту же мысль. Одно и то же думает и воин, и хлебопашец, и приближенные царя.

Много других мыслей, чувств, желаний и привычек затемняют эту мысль. Еще сильнее личные выгоды, которые стоят на ее пути и заглушают ее на разные лады. Но Мери видит, что уже ничто не может уничтожить эту мысль, которая неудержимо рвется к правде. Интересы миллионов поддерживают ее. Нет и не было такой силы, которая хоть бы на один год, хотя бы на один день смогла приостановить работу мысли в человеческой голове. Даже личная выгода в конце концов оказывается слабее, потому что под напором жизни, пред лицом мыслящей толпы, пред лицом ее выразителей, то, что было доступно для насильников еще вчера, сегодня уже перестает для них быть доступным. Иной раз им гораздо выгоднее даже и уступить. И вот, даже самым отчаянным из них приходится отступать перед безоружными, слабыми, но стойкими, понимающими людьми. «Я такой же человек, как и все прочие. Имею право быть счастливым и я, потому что это право в с е х людей. Да, я имею право, и я должен добиваться счастья, как умею и как могу, и не только для себя, но и для братьев моих»...

Мери видит — вся жизнь человеческая слагается так, что на каждом шагу то один, то другой человек наталкивается на эту же самую мысль...

Человек сообщает ее человеку, одно поколение передает другому поколению, один народ — другому...

А дедушка знай отсчитывает век за веком. И видит Мери: целые народы стали думать уже совсем не так, как они думали в старину. И не только думать стали иначе, но и действовать и бороться начали тоже совсем иначе. И на глазах Мери изменяется жизнь человечества.

Но как мучительно-медленно происходят эти перемены! Изменяются нравы и обычаи, мысли и желания, религия и философия, науки и искусства, труд и промышленность; все новыми и новыми путями и способами накопляются и распределяются между людьми разные богатства, создаваемые трудом человеческих рук, ума, знания и таланта; изменяется весь уклад, весь строй жизни; изменяются и законы, и учреждения, появляются и рушатся государства. И все эти изменения производятся накоплением мелочей, и этому накоплению помогают сами люди то сознательно, то полусознательно, а то и совсем бессознательно. Мери видит, как великие и светлые мысли приходят сначала в голову кому-нибудь одному и как затем они становятся достоянием многих людей. Одинаковые интересы, нужды и потребности, думы и стремления, понимание и настроение все больше и больше объединяют людей. Мери видит, как за осуществление в жизни этих самых мыслей, высказанных лучшими представителями человечества, выступает на борьбу сначала кто нибудь один, самый отзывчивый, самый смелый и самоотверженный, кому справедливость и истина, свет и общее счастье и свобода дороже всего, а за ним уже идут и многие, идут, не жалея себя, потому что не могут не идти...

И поняла Мери, что дедушка Время и здесь не своими руками дело делает, что у него много-много работников, и эти работники волей-неволей работают так, как хочет именно дедушка Время: ведь старик поставил их в такие условия, что иначе работать они и не могут.

Несется вперед дедушка Время и знай отсчитывает век за веком...

Порою в жизни народов Мери встречала страшные катастрофы и потрясения. Но и в этих случаях она видела, что масса накопившихся мелочей давным-давно уже подготовила катастрофу...

Вот дедушка Время перенес Мери на скалистый остров. Девушка видит огромную гранитную скалу, которую давно подмыли волны. Скала пронизана множеством трещин, а еще держится. Но вот из голубой вышины неба случайно опустился на эту скалу горный орел...

И под его ничтожной тяжестью рухнула огромная скала.

— Смотри, — говорит дедушка, — мелочи подготовили катастрофу, мелочь и вызвала ее. И скала должна была рухнуть... Обвинишь ли ты в ее падении этого орла?..

И поняла Мери, что в истории человечества происходит то же самое...

XVIII.

Снова несется дедушка, отсчитывая век за веком, и история народов, государств, нравов, обычаев, искусств, наук и религии, история бедных и богатых, голодных и сытых, слабых и сильных так и мелькает перед девушкой, словно в панораме.

И вся история доказывает, что без устали работает дедушка Время, изменяя жизнь людей, изменяя отношения человека к человеку...

Не раздается по всему земному шару звон рабских цепей. Реже льется кровь народов по одной прихоти властелина, который ценою крови сотен

тысяч людей хочет купить свою славу, свое счастье. Мери замечает, что иногда сами властелины уже не хотят этого, и много людей перестали наконец считать кровопролитие и насилие чем то достойным славы. Но человек попрежнему обижает да угнетает такого же человека, но только иным образом, и вместо старых и звериных способов появились среди людей разных народов и стран многие другие, более хитрые и тонкие...

Бегут, мелькают века, разные народы выходят на историческую сцену и сходят с нее, — а счастья все нет как нет! Десятки счастливых попрежнему теряются в сотнях миллионов несчастных; слабое большинство попрежнему страдает от сильного меньшинства; между богатыми и бедными попрежнему лежит глубокая пропасть... И попрежнему бедняки работают на богачей и насильников, а те живут да живут на доходы со своей собственности, отнимая с ее помощью в свою пользу то, что создано трудом работников-бедняков.

— Дедушка, — говорит Мери, — я вижу все одно и то же, только в разных формах...

— Да, — отвечает старик, — много сходного представляет жизнь человечества во все времена. Однако есть и различие. Много на земле униженных, несчастных, бедных, но с каждым столетием изменяются их отношения к сильным и богатым! Знай, — продолжал старик, — что я работаю в этом направлении и буду работать до тех пор, пока не исчезнет пропасть, лежащая между ними. И будут засыпать эту пропасть сознательно сами люди, не жалея своей жизни и жертвуя собою, хоть и не многие из них поймут, что они — не больше как работники дедушки Времени, который вечно идет вперед и итти назад не может...

И видит Мери, над голубым Рейном, на высокой крутой скале, высится мрачный баронский замок. Вдали темнеют леса. Ярко блестит на солнце крест старинного готического монастыря, который уже много лет отражается в красивой реке.

Неприветливо и сурово смотрят окна замка и монастыря на расстилающуюся перед ними картину, — им словно нет никакого дела до того, что происходит вокруг них.

А вокруг расположились там и сям маленькие полуразоренные деревеньки. Хижины черные, закоптелые, едва не падают под бременем лет.

Вот опускается подъемный мост замка, и из него выезжают несколько богатых всадников, направляясь к деревне. Звуком трубы они сзывают к себе ее обитателей.

— Эй, вы, холопы! — кричит один из всадников. — Наш благородный барон повелевает вам завтра же доставить в замок положенный земельный оброк! Забыли вы, что-ли, свою обязанность? А еще повелевает барон, чтобы виноград был доставлен к нему не позже, как через день.

Опустив уныло головы, слушают его крепостные крестьяне. Вот из их среды выступает какой-то старик и, низко кланяясь, говорит:

— Благородный господин! Мы всегда рады исполнять все приказания нашего барона. Но как же мы доставим оброк, когда наш хлеб еще на полях? Каким способом доставим ему мы свой виноград, когда вчера только мы окончили уборку винограда в садах нашего барона?

Всадник смеется и пожимает плечами.

— Какое мне до этого дело! Устраивайтесь как знаете! Только не забывайте, что вы — крепостные рабы и что вы работаете не на своей земле. Или вы забыли, что эта земля — священная собственность благородного барона? Благодарите же Бога, что наш барон не гонит вас со своей земли!

Ведь вы бы без него все подохли с голода. Уж лучше работайте на него обязательно до конца ваших дней. Чувствуйте же, что он то и есть ваш настоящий благодетель. Но если только вы не исполните воли нашего господина, так и знайте, — вам же самим будет хуже всего!..

И старый крестьянин думает печальную думу. Ведь он и на своей спине знает, что и вправду им же, крепостным, будет хуже всего.

А всадник между тем продолжает свою речь:

— Еще слушайте меня, эй вы! Завтра наш благородный барон устраивает охоту. И вот он дает вам такой приказ: чтобы 20 человек из вас сегодня же вечером шли выгонять для него из горных дебрей волков и лисиц и других зверей!..

И всадники, верные слуги благородного барона, поворотив коней, уже едут объявлять его волю таким же крепостным в другие селения.

А, с другого конца, в деревню в это самое время входит толстый обрюзгший монах и гнусливым голосом уже выкликает:

— Десятину! Десятину! Немедленно платите, платите нам нашу законную десятину! Отец настоятель требует десятину престолу святого Петра!

И монах, наклонив набок свою голову с бритой макушкой, начинает лениво петь латинскую молитву. А издали до крестьян доносятся звуки трубы, возвещающей волю барона...

И вдруг девушке стало ясно и понятно, что думают все эти люди. И у стариков, и у молодых вертится в голове одна и та же мысль:

«Так дольше существовать нельзя! Должен же быть хоть какой-либо исход из нашего положения! Ведь и мы — такие же люди, как и те. Ну ладно же, погоди! Ведь, когда нибудь наступит и наше время! Попомните и вы нас когда нибудь, — будьте вы все прокляты!»

— Дедушка, — говорила Мери, когда они снова неслись вперед и вперед, — я уже начинаю понимать тебя! Ты заставляешь людей страдать не бесцельно. Ты пробуждаешь в людях самосознание, ты заставляешь их стремиться к лучшему существованию, ты пробуждаешь в них желание собственными силами добиваться счастья на земле!.. Ты даришь каждый век, каждую эпоху, каждый год такими людьми, которые борются с прошлым и подготовляют будущее!..

— Да,—отвечал старик.—Вся жизнь мира показала тебе, как я работаю. Я частичкой толкаю частичку; я борьбой веду и животных и растения к лучшему будущему; я самого человека заставляю устраивать счастье человеческое на земле!

И поняла Мери, что дедушка Время всегда и везде один и тот же.

Отсчитывает дедушка век за веком, — и ярче становится в людях сознание зол и бед, и видит Мери, что иные люди уже не бессознательно стремятся к общему счастию.

Растет, развивается, крепнет личность человеческая. Даже последний из последних, малый из малых начинает все яснее понимать, что он прежде всего — человек, именно человек, и что у него есть прирожденные, а потому неотъемлемые права, — право жить, право мыслить, право желать и добиваться лучшего, право на счастие, право защищать свою жизнь, свою личность, свой труд, наконец, свое право на этот труд, на его орудия, на его продукты, — право ковать и защищать свое счастье. Начинают, наконец, понимать люди, что у каждого человека, кто бы он ни был, есть право перестраивать, переделывать свою жизнь и все стороны жизни, решительно все ее

стороны,—к лучшему. И делать это по своему собственному, а не по чужому разумению.

Видит Мери, появились в человечестве такие люди, которые знают, что они делают, и которые яснее и яснее понимают, что нужно делать. И каждый такой человек вносит свою долю в борьбу за счастье человечества, и каждый делает то, что внушает ему дедушка Время.

XIX.

И на глазах Мери, в дыму и зареве пожаров, рушатся баронские замки. От их прежней силы и величия остаются только развалины, в которых гнездятся совы и прячутся от света летучие мыши. Только предание сохраняет баронские имена, и в зимние долгие вечера дряхлые старики рассказывают эти предания на поученье молодому поколению. И видит Мери, как дурная слава и проклятия передаются, ползут из рода в род.

— Я стираю с лица земли все, что стоит на моем пути, — говорит дедушка Время, — и никакие силы не могут противостоять мне!.. То, что отжило, сделав свое дело, пусть же скорей дает дорогу тому, что еще только начинает жить... Люди прошлого, люди настоящего пусть не мешают людям будущего. Переживет века только то, что не идет наперекор мне, дедушке Времени. Только тот истинно силен и велик, кто работает согласно со мною, и кто не давит настоящего во имя остатков отжившей старины.

И снова для Мери сделались ясны и понятны мысли всего человечества. Она увидела многих-многих людей, которые сознательно работают для общего счастья, борются с неправдою и злом.

Вот в древнем храме, наполненном битком пестрою толпою, восторженный монах напоминает людям слова Христа: «Возлюби ближнего, как самого себя!» Горячо доказывает монах словами Писания, что «слово «мое» от дьявола есть, всем бо вся общая сотворил есть Бог»... И слушает народ его страстную речь, проникнутую любовью к людям. И забывают все присутствующие, что этого то самого монаха римский папа только что отлучил от церкви «за разномыслие с престолом святого Петра».

И во многих-многих сердцах зажигают пламенные речи «еретика» любовь ко всем униженным и оскорбленным, ограбленным и угнетенным.

И Мери видит, как это новое, светлое, радостное чувство борется в головах людей с огромными полчищами суеверий, предрассудков, личных выгод, привычек, — наследием старых и мрачных времен. — И все-таки чувство любви человека к человеку кое-где становится уже настолько сильно, что люди имеют возможность бороться даже во имя его и побуждаемые им. Это чувство, как и интересы, объединяет даже забитых и обездоленных людей. А дедушка Время летит вперед и вперед...

Уже человечество породило в своей среде многих сильных духом людей, которые смогли встать выше суеверий, выше предрассудков, выше страстей, даже выше интересов. Мало еще таких личностей; неприятны они многим людям, в которых заглушено чувство любви к человечеству и понимание справедливости и в ком сильны только личные выгоды... Особенно неприятны они тем, кто держит государственную власть в своих руках и ворочает ею в интересах своего класса. Но не этим людям остановить тех, кому правда, — истина, правда-справедливость дороже всего на свете. И идет да идет между теми и другими неравная, долгая и упорная борьба.

Мери видит зарево костров, на которых горят великие мученики за человечество, за науку, за любовь к людям, за любовь к справедливости и к истине. Мери слышит глухие удары секиры палача, слышит падение отрубленных голов, видит виселицы, слышит залпы воинов-палачей. Мери с холодным ужасом смотрит на сырые подземные темницы, — наполненные людьми, у которых измучено тело, но крепок дух; она знает, что многие из этих людей— лучшие люди всего человечества...

— Дедушка, — спрашивает она, — и эти люди погибнут?

— Они уже сделали свое дело, — отвечает старик, — так каждая волна, разбивающаяся об утес, делает свое дело.

Умирают одни люди, а на их место является все больше и больше других, еще более сильных и крепких, и бодрых духом. Гибель одних придает еще больше бодрости другим, и они встают и вступают в битву, и нет конца края их толпам. И одушевленные любовью, они применяют все силы своего ума и энергию, чтобы работать вместе с дедушкой Временем, борясь с остатками прошлого и созидая более светлое будущее...

Вот в небольшой комнатке с мрачными сводами, перед столом, едва освещенным свечою, сидит седой старик. Книги в кожаных переплетах, древние рукописи, огромный небесный глобус и телескоп придают всей комнате какой-то таинственный вид. Старик что-то вычисляет; длинные ряды цифр виднеются на бумаге, лежащей перед ним.

Мери понимает, чего добивается старик; он хочет знать, где и с т и н а, он хочет понять, что должен человек считать истиной. Он об этом много думал, и в его голове выяснилась великая мысль:

«Разум человеческий может познать истину, коли будет постоянно совещаться с природой и с ее помощью проверять самого себя!»

И старик много совещался с природой. Он сделал на своем веку много опытов, много наблюдений; он всеми способами выпытывал у природы ее тайны, и много открытий и изобретений выпало на его долю.

И видит Мери — сотни людей совещаются с природой и добывают истину...

А за этими людьми видит Мери других людей, которые применяют добытые истины на деле.

А за этими людьми Мери видит еще людей, которые отдали все свои силы, всю свою жизнь на то, чтобы переделать все устройство жизни человеческой на земле прежде всего на пользу тех работников, кому живется особенно тяжело

Дедушка знай отсчитывает век за веком, и каждый год, каждый месяц приносит людям новые открытия и изобретения. И все изобретения делаются достоянием сначала немногих, а потом и всех людей и вносят свою долю в благосостояние всего человечества, улучшают его жизнь на земле.

Видит Мери светлую, богато убранную комнату. Лучи солнца весело играют на паркете и позолоченной мебели. На стенах висят картины знаменитых художников; в шкафах черного дерева выстроились в ряд сочинения первостепенных поэтов и романистов. На мраморных пьедесталах красуются статуи, над которыми работали всему свету известные мастера; дорогие бронзы и терракоты украшают мраморный камин.

По комнате ходит пожилой человек. Лицо его сияет довольством и сознанием собственного достоинства.

Словно не замечая окружающей роскоши, он ходит взад и вперед, весело потирая руки.

И Мери становится ясным, чему радуется этот человек. Он, всему свету известный заводчик, только что получил от казны огромные деньги за сделанные на его заводах работы. И еще за какие работы! За тысячи ружей, пулеметов и пушек, которые помогут той же казне усилить где только можно свою и без того сильную власть, — покорить новые страны и открыть их для выгодной торговли с тамошними жителями для таких же заводчиков и фабрикантов, как и он, — и держать под сенью власти и свой собственный народ, тот самый трудящийся народ, который иной раз с жиру бесится и почему-то не желает работать на хозяев — своих благодетелей, разных заводчиков и фабрикантов... Но как же это так — не работать, если эти работы доставляют собственникам заводов, фабрик и машин такие удивительные барыши? Ведь, работа на фабриканта и заводчика — единственное средство к жизни для этих рабочих людишек. Где им и добывать себе пропитание, как не работая на тех, у кого в руках в полном распоряжении священная собственность? О, эта собственность воистину Божий дар! Это спасение всего человечества. Правильно поступает правительство, не жалея ни ружей, ни пулеметов, ни пушек для защиты собственности! Ведь на ней же и оно само стоит. И нам, капиталистам, хорошо, и ему, правительству, хорошо. Ведь на него и на нас работают-то одни и те же люди. Так и нужно, чтобы казна платила хорошие деньги за свои заказы. На полученные деньги можно завести у себя на заводе новейшие машины, можно пригласить к себе знаменитых техников-изобретателей. Как хорошо, что всегда есть под рукой очень дешевые рабочие! Ведь, без этого никогда не осталось бы в кармане таких огромных барышей.

— Слава Богу, слава Богу,—говорит заводчик, потирая руки.—Как это, право, хорошо устроен Божий свет! Вот каждый рабочий нарабатывает мне ежедневно на 10 рублей, а все расходы на производство обходятся в два рубля, а я плачу рабочему круглым счетом по 1 р. 50 к. Благодаря моей священной собственности я имею чистого дохода слишком в четыре раза больше, чем сколько мне стоит рабочий... Слава Богу, слава Богу и самому Христу! — говорит заводчик, потирая руки.

И Мери видит перед собою бледные и худые лица, покрытые копотью и пылью. Она слышит глухой сдавленный кашель, слышит стук машин, громыхание колес, свист и шипение паровиков. И глубокое чувство жалости и сочувствие к чужому страданию проникают в душу девушки.

— И этот человек, этот собственник еще говорит о Боге! — невольно восклицает она.—И он еще упоминает о Христе, о том самом Христе, который приходил ко всем труждающимся и обремененным и учил всех людей «возлюбить своего ближнего, как самого себя». А здесь, я вижу, забыты сотни и тысячи ближних. Здесь не забыто только разбойничье право священной собственности...

И видит Мери, — хотя и многие научные истины уже применяются человеком, но от их применения многим миллионам людей еще ни тепло, ни холодно. От них только тем хорошо, кому и без того не худо живется на белом свете. И правительство и законы, и все силы государства, войско, суды, полиция, наука, искусство и даже литература почти всецело в руках собственников-капиталистов.

А дедушка знай отсчитывает год за годом. И больше да больше становится на земле людей, любящих человека и умеющих постоять за него. Эти

люди тоже пользуются открытыми истинами, но применяют их для облегчения страданий всего человечества. И все больше и больше объединяются те, кому особенно тяжело живется на свете. И крепче и крепче стоят они все за одного и один за всех.

На глазах Мери дедушка Время тысячами миллионов различных способов заставляет самих людей сознательно устраивать свое счастье на земле. Он открывает им причины зол и бед, наводит на средства к их устранению. Он делает так, что объединяться их заставляет сама жизнь, иных даже против их желаний и даже бессознательно. И оглянувшись на прошлые века, увидела Мери, что произошла новая перемена в отношениях человека к человеку...

В бедной каморке, сырой, холодной и грязной, сидит старик ткач, фабричный рабочий. Ветер свистит в трубе и, пробираясь через щели, гуляет по каморке. Тускло горит сальная свеча. На скамейке под образом лежит больная жена ткача. Дети приютились на полу и плачут, требуя у отца хлеба ..

Слеза за слезой капает на работу старика. У него нет ни хлеба, ни денег. Если бы не больная жена и не голодные дети — ни за что не стал бы он ходить на фабрику за такую дешевую плату и не стал бы работать на того богатого барина, который живет, ничего не делая, в своих роскошных палатах...

— Что же, — говорил ему барин, — не бери работы, коли тебе кажется, что я слишком мало плачу за нее. Ведь тебя никто к этому не принуждает. А я найду для себя и других работников. Около фабрики много таких, как ты, которым тоже нужна работа.

И старый ткач понимает, что у барина на счет этого тоже свой интерес. И слеза за слезою падает из глаз ткача.

— Господи,—восклицает он,—скоро ли на земле всем будет хорошо! Ведь нужно же, чтобы на земле всем было хорошо! И никто то, никто не поможет нам, если только мы сами не станем себе помогать!

— Дедушка, — шепчет Мери, — это ты навел и его на такие мысли о необходимости общего счастья и дружной борьбе за него?

— Да, это я! — отвечал старик. — Я заставляю так думать многих и многих таких же рабочих людей. Я внушаю эту мысль различными способами самым маленьким, самым обыкновенным людям. Великие, светлые умом и высокие духом люди сами предугадывают мои желания, предугадывают, к чему клонится моя работа... Но я хочу, чтобы это поняли именно самые маленькие люди. Я заставлю самых обыкновенных людей дружными объединенными усилиями добиваться общего счастья.

Несется дедушка из страны в страну и тому или другому человеку нашептывает эту мысль. И в головах миллионов людей уже ярко горит идеал счастья всего человечества, и старые и молодые, то отдельно, то общими силами, добиваются его осуществления.

И чувство бесконечной радости охватило душу Мери. Среди волнующейся внизу толпы она видела только этих людей. Правда, эти люди, как отдельные единицы, все еще терялись среди остальной массы, но Мери понимала, что за них-то и стоит дедушка Время. Нет, жизнь не остается на одном месте! Несмотря на всевозможные препятствия, искусственно воздвигаемые на ее пути разными корыстными насильниками, жизнь все идет да идет вперед, и остановиться не может, и нет такой силы, которая смогла бы ее остановить. Победить может только сила жизни, и род человеческий, в конце концов, добьется таки того, что необходимо для общечеловеческого счастья.

XX.

И вдруг Мери почувствовала, что земля куда-то убегает из-под ее ног. Весь земной шар словно опускался, все глубже и глубже, все вниз и вниз. Поля, луга, горы, моря, города, все исчезло в одно мгновение. Густое, темное облако, набежавшее неизвестно откуда, охватило Мери со всех сторон. Налетел пронизывающий порыв холодного ветра. Солнца не стало видно. Черная, густая тьма окружила ее со всех сторон. Эта тьма, казалось, дышала ужасом отчаяния и смерти. Как будто какие-то цепкие руки протягивались к Мери из темноты и старались схватить ее, сжать и унести в холодную бездну вечности.

— Дедушка, — воскликнула Мери, крепко хватаясь за руку старика.— Мне страшно, дедушка.

Но не успела Мери сказать этих слов, как жизнерадостный, яркий луч горячего солнца насквозь пронизал густую, давящую, холодную тьму. Черный сырой туман медленно, тяжело заколебался и, словно нехотя, пополз, потянулся куда-то вдаль. И новая чудная картина открылась перед глазами Мери. Перед нею снова расстилалась земля, — земной шар, ее родная, глубоко любимая планета, с которой девушке только что было так тяжело и страшно расставаться. Но вновь появившаяся земля была уже не та, прежняя, вечно унылая, тусклая, вечно страдающая земля, и не прежнее царство гнета, насилия и мрака. Нет, чем-то новым, свежим и могучим и глубоко жизнерадостным дышали поля и луга, и леса, и горы, и моря, расстилавшиеся перед глазами Мери. Они блестели и тонули в лучах веселого, словно весеннего солнца. Но особенно же радость жизни была написана на лицах людей, — многих-многих, целой толпы людей, которых Мери увидела тут же, около себя, — людей новых, странных, необычных, но все-таки людей, таких же самых — живых и сознательных существ, какою была и Мери. Чувство радости, чувство жизни было написано на лицах всех окружающих людей. Радостью же, казалось, сияли и улицы обширного города, со всех сторон уставленные огромными, красиво и уютно выглядевшими домами. Радостью дышали деревья садов, окружавших зеленою каймою каждый дом. Радость была написана и на громадных величественных дворцах, школах, музеях и библиотеках, поражавших взор своим величием. Радостно неслись по улице вереницы повозок и экипажей, радостно обгоняли их электрические трамваи. Радость звучала в свистках паровозов и в гудках фабрик и заводов, высокие трубы которых, словно густой лес, окружали город со всех сторон. Но это были не мрачные громады, похожие не то на казармы, не то на тюрьмы. Это были те же дворцы, высокие, просторные, светлые, хотя и уставленные машинами и станками. Машины гудели, свистели, громыхали, весело постукивая и пыхтя. Но это был уже не тот давящий, словно погребальный перезвон, который еще так недавно наполнял ужасом и холодом душу Мери. Что-то новое, живое, мощное и вместе с тем веселое слышалось в тех звуках, которые неслись во все стороны из фабричных и заводских окон. И чувство радости и жизни охватило и душу Мери. Девушка смотрела вокруг себя с тем же глубоко религиозным чувством, с каким всякий верующий смотрит на своего горячо любимого Бога. Но особенно горячо подымалось в груди Мери это религиозное чувство, когда она смотрела не на фабрики, не на дома, а на людей, сновавших целыми толпами около нее, когда она смотрела на человека.

человеческую личность, которая казалась Мери совсем не той, прежней, что Мери видела еще так недавно вокруг себя. Все люди, которые ее окружали, действительно были людьми. Не полузверьем, не рабами, не выродками, не с согнутыми спинами и тупым выражением забитости и испуга на желто-зеленом худом лице, не со впалою грудью и узкими плечами. Нет, это были люди рослые, бодрые, со смелым и умным, сознательным взглядом, с высоко поднятой головой и веселой, добродушной улыбкой на красивом лице. Тут были и мужчины, и женщины, и дети, все опрятно и удобно, хотя и без роскоши разодетые в разные красивые одежды. Это была шумная, пестрая толпа, которой, казалось, не было нигде конца. Но в этой толпе не было ни одного человека с блестящими пуговицами и с эполетами солдата или офицера. Это были люди, люди прежде всего. И среди них не встречалось таких, которые были-бы нарочно обучены для убийства, насилия и войны. Посреди улицы шли длинные вереницы детей в белых и голубых одеждах, украшенных розами и васильками. По тротуарам толпился народ, приветствуя детское шествие. Звонкий хор свежих детских голосов пел:

Прошла, прошла невзгода,—
В полях уж всходит новь.
Да здравствует свобода,—
Труд, знание, любовь!
Рабочего народа
Уже не льется кровь.
Да здравствует свобода,—
Труд, знание, любовь!
В цветах опять природа,
Сияет солнце вновь.
Да здравствует свобода,—
Труд, знание, любовь!

Весело поднимались к небу веселые звуки гимна, и из окон домов летели на поющих цветы, и люди в окнах приветствовали шествие красными флагами.

— Дедушка,—спросила Мери старика.—Что-же это за люди? Что это за город, что это за жизнерадостная страна перед моими глазами?

Вместо ответа дедушка Время только улыбнулся.

— Как, Мери, ты не узнаешь родных твоих улиц и полей?!—воскликнул старик.—Ты не узнаешь своего родного города, той самой страны, где ты жила и где родилась? Ты не узнаешь этих людей, этих детей, твоих потомков и потомков других таких же людей, живших здесь в одно время с тобою?..

— Но ведь эти же люди совершенно не похожи на тех, которых я знаю и видела своими глазами!—воскликнула девушка.

— Это те-же самые люди,—сказал старик.—Те же самые люди, но только при совершенно другой обстановке, при совершенно других условиях жизни. Переменилась жизнь, переменились условия жизни,—переменились и люди. Подойди же к кому-нибудь из этих людей и поговори с ними лучше всего сама.

Мери тотчас же исполнила этот совет дедушки Времени.

— Скажите, — спросила она высокого молодого человека, довольно щеголевато одетого и похожего не то на студента, не то на рабочего, который в это время стоял около нее, — чья это страна, где мы теперь находимся?

— Как это «чья страна»? — весело воскликнул молодой человек, очевидно, не понявший вопроса Мери.—Всякая страна, все страны на земле—наши.

— То есть, как это наши? — в свою очередь удивилась Мери.

— Да, наши, то есть, всех людей, таких же самых, как вот и я, — а значит, в том числе и моя. Иных хозяев, кроме нас, нигде разумеется, нет и быть не может, и землю между нами никто не делил, да и делить не смеет.

— Как! — воскликнула Мери. — Вы—рабочий! На чьей же фабрике вы работаете?

— Как это «на чьей»?—снова удивился молодой человек.—Разумеется, на своей, то есть, на общественной. На чьей же я еще и могу работать? Все фабрики, все заводы, пароходы, рудники, железные дороги, ведь это все наше, наше, — таких же рабочих людей, как я. Все это — наша нераздельная собственность, на которой мы все сообща и работаем, и все это принадлежит нам, т. е. всем тем, кто работает. А работаем мы все, все, кто только живет на земном шаре. Все люди—рабочие, кроме стариков, больных и детей. И что же вы удивляетесь этому? Откуда вы сами сюда явились, если не знаете таких простых и обыденных вещей?

Но Мери даже и не слыхала последнего вопроса молодого человека Удивление и восторг все больше охватывали ее душу.

— А луга, а леса, а земли, все это чье?—спросила она молодого человека.

— Разумеется, и это—нераздельная собственность всех людей, также как и фабрики и заводы, а пользоваться ею, разумеется, может и имеет право всякий желающий.

— Но кто же заведует всей этой работой? У кого власть в руках? В чьих же она руках?—воскликнула Мери.

— Вот опять-таки странный вопрос! Разумеется,—всякая власть в руках наших. А в чьих же руках она и может быть? Кому мы доверим распоряжение, кому мы доверим такую власть, тот и несет ее до поры до времени. Но что вы там говорите о власти? Власть ведь это и есть мы. Мы, т. е. все люди. Всякое правило, всякий закон—это и есть мы, потому что мы-то их для себя и пишем и утверждаем. Иначе и быть не может. А власть—это очень старинное слово, и я даже совершенно не понимаю его. У нас никто ни к чему не принуждает никого, и потому никакая власть для нас совершенно не требуется.

— Но ведь у вас есть же хоть какие-нибудь законы?—спросила Мери.

— Разумеется, законы есть,—я же вам сказал,—отвечал молодой человек, улыбаясь невежеству Мери.—Но ведь у нас закон это не то, что старинный закон. Наш закон—просто-на-просто общее соглашение — общественный договор, да и эти законы и договоры, и власти касаются больше всего дел хозяйственных в фабричном и заводском и ином производстве. А больше нам не нужно никаких властей. Разве же это возможно — кому-либо, кого-либо, к чему-либо принуждать? Да ведь это же будет насилие.

— Но в таком случае, что же вас принуждает работать? — спросила Мери.

— Опять-таки очень странный вопрос,—отвечал молодой человек. — Работаю я вовсе не потому, что меня кто-то принуждает работать, а потому, что без этого жизнь не есть жизнь. Может ли человек, например, жить вовсе не размышляя, т. е. не работая головой? Может ли он жить точно также и не трудясь? Когда-то люди еще могли это делать каким-то насильническим, грабительским способом, но теперь этого на всей земле уже нет. Да и насильничать и грабительствовать теперь не приходится. Ведь что я нарабаты-

баю, то и мое. Мои рабочие часы для меня те же деньги. Я всегда имею возможность выменивать эти мои часы на такое же количество рабочих часов всякого другого работника, т. е. на любой товар, произведенный кем-либо на земле. А работник меняется с работником при посредстве общественных магазинов,—предъявляет рабочий бланк, а на него получает необходимый товар. Вот и вся наша механика. Никаких посредников, купцов или хозяев, предпринимателей, частных собственников, между нами, трудящимися, нет и быть не может. И то, что прежде шло в их карманы, теперь остается в наших, рабочих. И так везде на земле,—и в городах, и в деревнях, и повсюду. Однако, простите, уж скоро три часа, и мне нужно идти в университет на лекции. Моя жена уже там и меня поджидает. А ведь мы оба сегодня, как никак, а проработали по шести часов на наших фабриках...

И молодой человек вежливо поклонился Мери и скрылся в толпе. А толпа шла и шла не переставая, веселая, деловитая, бодрая и осмысленная. И жизнерадостный шум этой толпы сливался со звонким пением детей, еще доносившимся откуда-то издали, и летел к небу. А там горело, улыбаясь и тоже веселясь, жгучее радостное солнце, наполняя душу Мери тоже теплом, светом и радостью,—самым полным, глубоким, самым высоким счастьем, какое только доступно лучшему из лучших, отзывчивому из отзывчивых, любящему из любящих людей.

* * *

И картина новой жизни опять исчезла из глаз Мери. А дедушка Время несся вперед и пел:

«Я работаю, я работаю, я работаю! Медленна, но прочна моя работа. Я сдвигаю и раздвигаю частицы, я собираю их в миры, я же разгоняю их по всей вселенной. Я оживляю пучины неба вечным движением; я заставляю волны света и тепла переливаться из конца в конец вселенной; я зажигаю звезды и указываю им пути в пучинах мироздания. Я оживляю жизнью молодые миры и даю всему живому необходимые силы для жизни и борьбы. Я борьбою укрепляю силы и способности живых существ и веду их вперед, к лучшему будущему. Я работаю, я работаю...

«Пойми мою работу и ты, человек! Я делаю твои разум ясным и прозрачным, как кристалл. Я зажигаю в тебе идеал общего счастия. Я поддерживаю в твоей душе веру в возможность царства справедливости на земле. Я веду всех людей в это царство, когда то, что создано трудом человеческим, будет достоянием не некоторых, а всех людей, и прежде всего тех, чьи рабочие руки создали его. Я пробуждаю в тебе, человек, могучие желания и могучую волю и энергию. Я заставляю тебя стремиться к твоему идеалу... Я указываю, я буду указывать тебе миллионы путей, ведущих к нему, дам миллионы средств для его осуществления. Я общею целью, одинаковым стремлением, общими интересами объединю всех людей и поведу их по дороге к царству правды на земле. И я буду толкать туда людей, пока всем будет хорошо, пока не осуществится здесь, около тебя, это самое царство. Горе тем, кто не пойдет по указанному мною пути! Они исчезнут с лица земли, оставив о себе лишь недобрую память... Вопреки их усилиям и преградам должно, должно прийти это царство! Вся жизнь мира стремится к этому. Вся жизнь мира выработает умных, хороших людей, заставит соединиться их воедино, укажет им единую великую цель. Я заставлю самих людей устраивать свое счастие на земле!.. Я работаю, я работаю!..»

Песня дедушки Времени отдавалась во всем существе Мери. Она ничего не видела и не чувствовала вокруг себя. Она слышала только могучий голос дедушки...

И вдруг...

XXI.

— Семь... восемь... девять... десять... одиннадцать... двенадцать... Господа! Наступил Новый год! Встретим его веселей! Общими силами убьемте дедушку Время!

Мери пришла в себя. Часы только-что кончили бить. Вокруг толпились веселые гости с бокалами в руках. Перед нею стоял старик-иностранец, молчаливый, угрюмый...

То, что для Мери дедушка Время сделал вечностью, этим людям показалось одним мгновением. Столь короткого отсутствия Мери никто даже и не заметил.

Зазвенели бокалы, раздалось громкое «ура». Все спешили чокнуться с хозяином.

Мери схватила руку старика.

— Дедушка,—шептала она,—уйдем отсюда! я не могу быть среди этих самодовольных, праздных и пустых людей, благоденствующих на чужой шее! Это—мертвые, мертвые!

И она вместе со стариком вышла из комнаты. А там звенели бокалы, гремела музыка...

— Дедушка,—говорила Мери,—я теперь понимаю, что нужно делать. Я буду работать всеми силами для осуществления царства справедливости на земле. Я буду искать людей, стремящихся к такой же цели, и мы будем общими силами сознательно добиваться общего счастья и бороться со всем тем, что мешает его осуществлению. И я верю что эта работа наша не погибнет, потому что ты, дедушка, за нас!..

И окружающая жизнь, единая, нераздельная, вечная сделалась понятной для Мери во всей ее целости. Ее внутренний мир озарился великой целью жизни, словно лучами, идущими с неба. Мери почувствовала, что в ней действительно имеются силы, чтобы стремиться к этой цели.

— Дедушка,—говорила она,—людей делали и сделали более счастливыми их собственные стремления к счастью, их работа и борьба в этом направлении. Причиной своим несчастиям—само человечество, потому что в нем еще мало таких людей, которые работают за одно с тобою, дедушка Время, и много таких, которые думают помешать тебе... Дедушка! Я весь век буду работать за одно с тобою!..

А дедушка снова запел:

«Я работаю, я работаю, я работаю! Медленна, но прочна моя работа! Я заставлю самих людей устраивать свое счастие на земле!..»

Старик исчез, и до ушей задумавшейся девушки откуда-то издали доносились последние слова его песни.

1885 г.

В скором времени выйдут из печати следующие книги, составленные

Н. А. РУБАКИНЫМ:

I. **Приключения в стране рабства.** (О жаркой стране). С рисунками.
II. **Вода на земле, под землей и над землей.** С рисунками.
III. **Дедушка Время.** Новогодняя сказка.
IV. **Как и когда разные народы научились говорить каждый на своем языке?**
V. **Рассказы о великих и грозных явлениях природы.** С рисунками.
VI. **Как, когда и почему появились люди на земле?** С рисунками.
VII. **Что такое кометы?** С рисунками.
VIII. **Подземный огонь.** С рисунками.
IX. **Среди тайн и чудес.** С рисунками.
X. **На плавающих льдинах по Ледовитому океану.** С рисунками.
XI. **Рассказы о делах в царстве животных.** С рисунками.
XII. **Рассказы о подвигах человеческого ума и о чудесах науки.** С рисунками.
XIII. **История русской земли.** С рисунками.
XIV. **Как люди научились летать** С рисунками.
XV. **Путешествия на край света.** С рисунками.
XVI. **Самые дикие люди на земле.** С рисунками.

Цена 3 руб.

АРТИСТИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНИЕ Т-ВА А. Ф. МАРКС.
ПЕТРОГРАД, ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПРОСПЕКТ, № 29.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00034973501